

ОТ АВТОРА

Повесть написана на основе публикаций в печати и интернете. Хочу высказать благодарность даманцам, которые поделились со мной воспоминаниями, открывшими неизвестные ранее факты и детали. Искренне признателен за помощь в сборе материала краеведу, историку и журналисту Леониду Туркову, живущему в городе Топки.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Учения проходили в трёхстах километрах от города Имана. Мотоманёвренная группа пограничников наступала на своих всегдашних соседей – 135-ю стрелковую дивизию. И неплохо наступала, пора было ждать благодарности от командования. Но сейчас предстояло противостоять танкам, и начальник ММГ подполковник Яншин приказал окопаться.

Старший лейтенант Маньковский доложил ему, что всё готово к отражению атаки.

День второго марта выдался ласково-тёплым, и пограничники уютно расселись в окопах, ожидая появления полка Т-62, который где-то застрял.

Спокойно подрёмывал в кабине бронетранспортёра водитель Анатолий Башуков, высокий и, конечно же, красивый парень – если уж высокий, то обязательно красивый. Мысли его витали

в городе Асино Томской области, где его ждали мать, отец, девять братьев и сестёр (он родился третьим) и невеста-десятиклассница Люда. В родном городе Анатолий работал каменщиком и радовался тому, что попал в хорошую бригаду. Кроме того, он не чурался и спорта, занимался боксом, лыжами, играл в футбол. Окончил в ДОСААФе курсы водителей, благодаря чему и сидел сейчас за рулём.

56

На границу только-только стали поступать машины новой модификации, БТР-60ПБ – полностью бронированные, с пулемётной башней, в отличие от БТР-60ПА, где стрелок, высунутый наружу по грудь, легко попадал на прицел противника. Три месяца водители осваивали новую технику, и Башуков чувствовал удовлетворённость, что попал в их число.

Но танки всё не появлялись и не появлялись, время тянулось медленно. И вдруг в светлом весеннем мире что-то колыхнулось, сдвинулось с устойчивой оси. Рация включилась на приём. И открытым, нешифрованным текстом по связи объявили, чтобы БТР с Яншиным немедленно подъехал на командный пункт. Подполковник, куривший на солнышке неподалёку, поспешно занял место рядом с водителем. БТР поднялся на сопку. Близ КП – военного автофургона – стоял вертолёт, возле которого роились офицеры. Издали на их лицах читалась единая, общая на всех встревоженность. Среди них – начальник Иманского погранотряда пол-

ковник Леонов и замполит подполковник Константинов. Они сообщили, что в районе второй заставы идёт бой, есть убитые и раненые. Яншин тут же вернулся в БТР, который помчался к окопам.

Снявшись с учений, мотоманёвренная группа своими четырьмя бронетранспортёрами стремительно, на всей возможной скорости, двинулась в Иман. В головной машине ехал Яншин, в следующей – младший лейтенант Попов, совсем молоденький, недавний солдат, окончивший трёхмесячные офицерские курсы, а замыкал колонну БТР с Маньковским, правой рукой начальника ММГ. Всех, офицеров и рядовых, давила мысль: что же там, на второй заставе, случилось?

В Имане заправили бэтээры, приняли на борт ящики с боевыми патронами, гранаты и, стараясь не потерять ни одного мгновения, в ошеломительной спешке продолжили езду.

Приехали... Казалось невозможным за столь короткое время преодолеть расстояние в сотни километров. Застава уже кишела солдатами отряда, среди них чернели бушлаты моряков дивизиона бронекатеров. Офицеры сразу направились в палатку комсостава. ММГ разместились в казарме, опустевшей после гибели почти всех её обитателей.

Ближе к вечеру Башуков получил задачу отбуксировать с острова БТР Павла Ковалёва, который находился от ММГ на усилении заставы и выезжал со Стрельниковым для пресечения провокаций. Ковалёв и другой водитель, Аркадий Шамов, на чьём бэтээре Бубенин громил китайцев утром, поехали вместе с Башуковым. От них как будто ещё тянуло запахом порохового дыма. Они рассказали, что было утром на острове. Старшего лейтенанта Стрельникова и ещё несколько человек китайцы убили из засады выстрелами в упор. Вслед за ними погибла группа сержанта Рабовича. Героически отстреливался младший сержант Бабанский. Семь человек из двенадцати погибли в его группе... Ситуацию спас старший лейтенант Бубенин, заставив провокаторов уйти на свой берег...

Ужасная картина предстала перед Башуковым, когда приехали. Посреди прокопчённой снежной каши стояли остовы сгоревших ГАЗ-69 и ЗИЛ-164. На мысе острова виднелся подбитый БТР. Снаряд пробил его правый борт, разворотил двигатель, колёса сдулись от попавших пуль.

Леонов, Константинов и начальник штаба погранотряда подполковник Павлинов не раз говорили меж собой о пользе учений. И пришли к убеждению, что главное не столько в отработке оперативного манёвра, сколько в том, чтобы солдаты и офицеры поучаствовали в игре и на заставах рассказали, какая за ними стоит сила. Чтобы скинуть с себя страх.

Накануне учений позвонил секретарь райкома партии и пригласил на Масленицу в село Введенское, в двадцати километрах от Имана. Решили, что к началу праздника не успеть, но вообще на мероприятии появиться надо. Дождаться контратаки танкового полка – и можно прогуляться во Введенское.

На командном пункте учений правил бал первый зам командующего Дальневосточным военным округом Герой Советского Союза Плотников, вокруг него толпились генералы и полковники.

Когда танковый полк опоздал с выходом на рубеж, Плотников резко скомандовал:

– На исходную! Пусть укладываются вовремя!

Объявили тактическую паузу, что означало ещё часа два ожидания. Александр Дмитриевич Константинов обеспокоился тем, что пограничники оставили лежать в голом поле, и отправился к ним.

– Не замёрзли? Как кормят?

– Всё нормально, товарищ подполковник! – услышал он бодрый комсомольский ответ. – Позавтракали. Вон ещё тащат чай, бутерброды.

Константинов, начальник школы сержантского состава майор Складанюк (школа тоже участвовала в учениях), секретарь парткомиссии погранокруга генерал-майор Ищенко выпили по стакану чая, оживлённо беседуя.

– Может, сразу и пообедаем? – предложил Ищенко. – Время-то уже к двенадцати...

Никто не придал значения звонку из штаба военного округа. Плотников снял трубку с аппарата.

– Так. Бой, да? – он посмотрел на Леонова. – Пограничник, тебя.

Леонов принял трубку, прижал её к уху и сразу изменился в лице.

Повернулся к Константинову.

– Александр Дмитрич, вперёд! На второй заставе бой!

Они прилетели к Даманскому вертолётном, когда бой закончился, но с китайского берега до

сих пор постреливали. Остров посреди застывшей реки лежал как айсберг, кое-где по краям с кручами выше человеческого роста. На речной косе стоял Леонов, огромный, в чёрной шубе с погонами, папахе, очень бледный, неподвижный, просто не воспринимаемая свиста пуль. Словно опомнившись, он стал отдавать распоряжения по эвакуации раненых, спасению живых, выносу с поля боя убитых.

Буквально через несколько часов прилетел начальник штаба погранвойск СССР Вадим Александрович Матросов. Китайский берег, как ёж колючки, выставил против Даманского сотни стволов автоматов, пулемётов, миномётов. К общему изумлению, и китайцам, наверное, тоже не верилось, статный седой генерал-лейтенант и с ним вместе подполковник ходили по острову и протоке в полный рост. Они показывали высокую гордость, презрение к подлым провокаторам. Не унизительно ли пригибаться хозяевам на своей земле? Правда, как живой щит, с ними рядом держались курсанты школы сержантов. Ни одного выстрела, хотя бы для остротки, не прозвучало.

Генерал медленно, внимательно щурясь, прошёл за толстыми старыми дубами, где таилась засада для Стрельникова, осмотрел лёжки с цинковками, конфетными фантиками, бинтами, фляжками, понюхал их содержимое – ханжу (водку). Лёжек насчитывалось не меньше трёхсот.

Позже, в Москве, когда позвонил Брежнев, Матросов растерялся от неожиданности. И от масштаба. Сам Леонид Ильич! Слова, сказанные первому лицу государства, влекли за собой высшую ответственность.

– Вадим, скажи, что там происходит, на Дальнем Востоке? Война это или пограничный конфликт?

Заминка длилась не больше секунды. Больше было бы просто неприлично. Политический аспект событий почему-то в штабе не обсуждался. Но в одно мгновение стало ясно: война – это слишком серьезно. Война – когда одна страна нападает на другую... А тут – островок...

– Это пограничный конфликт, Леонид Ильич.

Такой ответ предрешал поведение армии. Она должна оставаться в стороне. Разрешить конфликт пограничники должны сами.

3

Инженерная рота базировалась в Имане. Именно её бойцы чаще всего стояли в почётном

карауле у знамени отряда. Поэтому всех в штабе знали в лицо. Самым приветливым и обязательным из штабиков, пожалуй, был заместитель начальника политотдела подполковник Зубков, он же секретарь парткомиссии отряда, то есть парторг.

Одно время рота славилась разгильдяйством, потому что в неё со всех застав ссылались самые отъявленные балбесы и завсегдагаи губы. Однако такие серьёзные ребята, как старшина Левчук и сержант Ларионов, которых командир роты лейтенант Афонин попросил подтянуть гайки по дисциплине, неплохо справились с этой задачей.

В день второго марта многие из роты были в разъездах по отдалённым заставам. Всех оставшихся в Имане бросили на Даманский – собирать тела павших.

– Прочесать остров! – приказал Афонин.

В любой момент с китайского берега могли хлестнуть очереди. Но в сравнении с тем, что уже случилось, что виделось вокруг, опасения о себе куда-то отделились. Два Виктора – Левчук и Ларионов, Пётр Чуканов (их, всех троих, объединяло происхождение из кузбасского городка Топки), Михаил Баранов, Владимир Пичугин, три Александра – Гайлов, Никитин, Гаврилов пошли по снегу, сворачивая на истоптанные места. Трупы лежали в лужах крови, ещё не застывшей. Лица многих изрезаны штыками, изуродованы...

Ларионов еле узнал Володю Рабовича. Они были в приятельских отношениях, оба сельские. Вместе учились в школе сержантов, потом не раз встречались. Однажды всю ночь проговорили о жизни. Володя жаловался, что китаёзы житья не дают, из-за них служба осложняется.

По виду обычный русак, чернявый, малого роста, Рабович замыкал строй. Зато его силёнка удивляла. Одной рукой он мог подтянуться на перекладине пять-шесть раз.

Баранов первым нашёл тело Николая Петрова. Ему показалось, что Петров живой. Расстегнул полушубок, послушал сердце. Оно не билось. Заприметил тесёмочку, потянул – и вытянул фотоаппарат, тот самый, исторические снимки с которого облетели потом весь мир. Когда доставили Петрова на берег, Баранов передал фотоаппарат командиру роты, а тот – Константинову. Михаил Баранов, бывавший иногда дерзким с начальством, – на самом деле очень простой парень из Кемерово, где занимался мотоспортом и перед уходом в армию стал чемпионом области среди юношей.

Тела таскали или вдвоём, за руки и за ноги, или, отдыхая через несколько шагов, на плечах по одному, и гимнастёрки пропитались кровью. Грузили по три в машину. Больше не входили, так как вдоль бортов коробами тянулись сиденья. К вечеру подчинённые Афонина дошли до изнеможения. Хотя есть, в общем-то, и не хотелось, с утра у них во рту не было и маковой росинки. Подошли к стоявшему у вертолёта Константинову, он дал закурить. Попросили разрешения втиснуть в последнюю машину восемь тел – простите нас, братки!.. И сами залезли, скрючились на сиденьях.

Приехали на заставу «Нижне-Михайловскую». Обе щитовые казармы, стоявшие на высоком берегу Уссури, были до отказа набиты солдатами.

Включённое радио передавало новости из КНР: советские пограничники напали на китайских...

Наскоро перехватив чаю, новоприбывшие задумались: а где ж прилечь-то? Ни единого свободного местечка! И на койках, и на полу впри-тык друг к другу лежали спящие.

– Да вон, смотри! – сообразил Баранов. – Под кроватями!

И, забравшись под кровати, они мгновенно уснули, выставив ноги в проход. Долго поспать им не пришлось. Кто-то будил их, отыскав по торчащим ногам.

– Вставайте!

– Куда? Чего? Что надо? Спать охота! Дай поспать!

– Вставайте!

– Зачем, ты скажи!

– Надо рыть могилу!

Могилу руководство решило устроить метрах в двадцати пяти от казармы, размером пятнадцать на пять. Казарма выходила фасадом к реке, и вдоль неё – могильная яма.

Начали копать инженерной ротой. Остервенело вгрызались лопатами в мёрзлый грунт. А рядом кружил, нервно покрикивая, дородный генерал-майор из погранокруга.

Он нетерпеливо подгонял копателей, но, дивясь, что за два часа они углубились всего сантиметров на двадцать, изошёл гневом:

– Убрать их, к чёртовой матери! Доходяги! Давайте сюда мордивизион!

Грубость генерала больно задела инженерную роту. На сцену вышли чёрные бушлаты. За три часа работы они дали... десяток сантиметров. Всё-таки суглинок, скала, камень...

– И эти не могут! – тратил нервы генерал. – Зажрался!

Пётр Чуканов пытался ему объяснить, что надо взрывать.

– Товарищ генерал, разрешите обратиться! Мне кажется, что...

Но до высокого чина с его митинговым умом мысль не доходила. К счастью, в штабах водятся не только такие. Неподальёку крутился другой, тоже генерал-майор. Маленький, подвижный и, как оказалось, смыслёный. По его указанию привезли взрывчатку.

– Берите лом и долбите шпур! – снова закипятился дородный полководец.

Лом взяли. Ни один шпур сделать не получилось. Кто же шпур ломами долбит?

– Товарищ генерал! Надо бы отбойный молоток!

– Да где же я тебе его найду! – опять-таки доказал свою бесполезность рослый штабник. – Работайте! Навалитесь посильнее! Ну, ну, герои!

Благодаря другому генералику отбойный молоток нашли в рыбацкой деревушке, прилепившейся под той же сопкой, где застава.

Взрывы вынесли окна и местами проломили шиферную крышу. Целая глыба пролетела ракетой над ухом Баранова. Солдаты выскочили из казармы с оружием в руках.

– Что случилось?! Китайцы?!.

– Да нет... Можете спать дальше...

Всю ночь Баранов стеклил окна.

Для закапывания могилы армейцы прислали взвод сапёров. Они выстроились по обе стороны ямы с сапёрными лопатками. И уже в который раз Чуканов обратился к начальству: без трактора не обойтись! Разыскали и трактор, старый, выдавший виды бульдозер с тусклой, стёршейся от долгого труда сталью гусениц.

4

Поначалу останки погибших парней лежали на соломе аккуратным длинным рядом в бывшей конюшне, накрытые до подбородков простынями. Руки некоторых окоченённо торчали вверх, словно держа оружие. Немыслимая скорбь висела над второй заставой. Старые, отслужившие своё собаки, вольно бегавшие по территории, вполне разделяли чувства людей. Когда одна из них, огромная овчарка, вдруг выскочила перед пограничником (это был Александр Козлов из Юрги), он опешил от испуга, а собака положила лапы ему на плечи. Тогда Коз-

лов сообразил: она хочет проститься с хозяином! И открыл ей дверь в конюшню...

Гробы, обитые алым кумачом, возвышались на деревянных козлах в большой армейской палатке, установленной на высоком берегу. Возле каждого поставили караульного и ведро с водой, чтобы отпаивать падавших в обмороки матерей. Гипсово-белые лица покойных отрешены, руки прибинтованы к телам. Духовой оркестр, мало отдыхая, играл похоронный марш.

Родители, родственники, вдовы погибших прибывали вертолётами и автобусами из Имана. Они бежали к гробам по снежному склону, залитому ярким солнцем, и кумач, как алое зарево, ослеплял их ощущением невозвратимости потери. Матери искали своих детей, падали им на грудь, бились, выли, голосили.

– Петенька мой, почему же ты мне ничего не писал?!

– Ах ты, Коленька, маленький мой сыночек! Да как же ты вырос, даже в гробик свой не влазишь! Как же ты мучился! Да что они с тобой сделали! Они штыками тебя кололи!..

– Сыночек мой, надежда моя... Да что они, изверги, с тобой сделали... Да они всего тебя искокли, искололи... Писал ты мне, что у тебя чуб растёт, а они всю твою голову разбили...

...Молодая вдова ухватилась за кол палатки: смотрит-смотрит на того, в гробу, забинтованного...

...Плачет седой отец, утирают слёзы солдаты, стоящие в почётном карауле. Репортёр что-то пишет в блокноте, рыдая...

Отец Павла Акулова в форме морского офицера, капитан второго ранга, горько-растерянно смотрел на гробы.

– А нашего сына даже и нет здесь...

Мать Павла чисто случайно услышала разговор офицеров о каком-то раненом бойце, которого китайцы перепутали со своим и унесли в Китай.

– Кого?.. Какого бойца? – спросила она.

– Павла Акулова.

Вопль вырвался у неё. Она упала...

Тогда ещё судьба Павла Акулова, комсорга второй заставы, была неизвестна. Его долго искали на острове, но так и не нашли. Уже в апреле китайцы предложили обменять советского сержанта на своего убитого солдата. Тело мёртвого Павла, захваченного в плен раненым, несло на себе следы жестоких мучений...

Гробы выносили на плечах и ставили в ряд под солнцем. Зелёная линия пограничных фура-

жек, лежавших у каждого на груди, каймой тянулась по красному фону. Плотная толпа сгрудилась у могильной ямы. Высоко в небе плыли-летели белые облака.

Родители прощались с сыновьями. Пограничники бросали последние взгляды на товарищей, друзей, земляков.

Начались речи. Отец старшего лейтенанта Стрельникова Иван Матвеевич в Отечественную воевал солдатом, получил двенадцать ранений.

– Сейчас мы хороним наших детей... – сказал он. – У меня есть ещё сыновья, и каждый из них поступил бы так же, как Иван. Больше я ничего не могу сказать...

На сколоченную из досок трибуну поднялся отец пограничника Никитина:

– Все мы, отцы, прошли Отечественную войну... Сегодня мы потеряли сыновей, но народ их не забудет. Я проклинаю Мао и его сообщников, это их рук чёрное дело!..

Выступали офицеры в высоких чинах, генералы. Герои погибли не напрасно, говорили они. Это святая жертва во имя Родины. О них напишут книги, создадут симфонии и песни. Страна будет петь песни о павших.

Торжественно и скорбно говорили и подполковник Павлинов, лицом похожий на хищную птицу, и могучий фигурой Леонов, из глаз которого потекли слёзы, – никто до этого не мог подумать, что увидит когда-нибудь полковника плачущим.

Прибывший во главе правительственной комиссии первый заместитель председателя КГБ генерал-полковник Николай Степанович Захаров выразил соболезнование родственникам погибших как официальное лицо и сказал по-человечески сочувственно:

– Велика наша утрата. Жгучая её боль в наших сердцах, сердцах родных и близких. Но утрата не обрывается могилой. Герои будут жить в нашей памяти, в рассказах очевидцев об их красивой жизни и смерти, в книгах и на экранах, в делах и поступках пограничников...

Был отдан приказ закрыть гробы и опустить их в братскую могилу.

Лев Маньковский скомандовал:

– Павшим героям отдать прощальный салют!

Гулкими автоматными очередями в воздух прогремели несколько залпов, дымки от них поднялись над заставой и потекли над рекой. И как только умолк последний залп, сразу дружно, мощным унисоном завыли собаки. И слёзы покатались по щекам у людей...

Демократ Владимирович Леонов больно переживал гибель солдат и не сразу вернулся в волевое состояние. Но он не мог позволить себе впасть в отчаяние.

После боя второго марта Леонов пришёл в политотдел отряда пасмурно-серый, ушедший в глубокую задумчивость. На скулах ходили желваки.

– Надо бы собрать коммунистов, – сказал он Константинову. – Есть разговор, очень важный.

– Об уроках боя? – догадался Константинов.

– Да, об этом. Думаю, маоисты, хотя мы им дали достойный отпор, не успокоятся. – Леонов чуть помолчал и добавил: – Излишняя торопливость, горячность... Особенно у молодых солдат. С ними нужна разъяснительная работа. Надо объяснить людям, что бой требует не только личного мужества, но и ратного мастерства, умения не теряться в боевой обстановке...

Несмотря на весь ужас случившегося, надлежало действовать по букве международных правил, согласно которым конфликт мог урегулироваться по линии так называемых погранкомиссаров. Встречаться с китайцами договорились на их территории, в городке Хутоу, что напротив Имана.

Полетели на вертолёте через Уссури втроём: Леонов – в качестве погранкомиссара, офицер из управления погранокруга и заместитель Павлинова подполковник Иван Яковлевич Иванов. Заявили протест. Верный себе, Демократ Владимирович не выдавал чувств, проявлял дипломатическую выдержанность и корректность. Сдержанность никогда не даётся легко, отчего Леонов – и уже давненько – начал сесть.

Как и следовало ожидать, протест для китайских официальных лиц, играющих свои лживые роли, был пустым звуком. Их погранкомиссар заявил, что остров Даманский – Чженьбаодао – принадлежит КНР, о чём есть директива Велико-го Кормчего, товарища Мао Цзэдуна, с которой он обязан считаться.

Назад до берега делегация шла сквозь строй цзаофаней, потрясавших кулаками и волящих угрозы.

После возвращения Иванов заглянул в кабинет Павлинова.

– Борис Васильевич! Чтоб я ещё туда пошёл! Под дулом пистолета не соглашусь!

С Павлиновым Демократ Владимирович договорился, что тот командует отрядом, а сам Ле-

онов находится на второй заставе, руководит резервами, контактирует с оперативной группой округа.

Время требовало авральной работы. Могло случиться всякое.

Зашёл к Павлинову взволнованный начальник особого отдела.

– Ты знаешь, что хочет учудить начальник заставы «Михайловка»?

– А что такое?

– Он с группой пограничников собирается на тот берег, чтобы навести там шороху. Это такая месть за второе марта.

Пришлось Павлинову всё бросать и лететь на «Михайловку». Устроить нагоняй по первое число.

Весь Иманский погранотряд мгновенно был приведён в состояние боеготовности. На заставах отрыли окопы. Прямо из казармы пограничники по тревоге ныряли в траншею и занимали свои позиции. Соорудили блиндажи, боекомплект убрали под землю. Все офицеры перешли на казарменное положение. Нельзя, нельзя было допустить повторения Даманского.

Мнение Леонова о Даманском сводилось к тому, что лучше всего было бы отдать этот остров китайцам, как они того требуют. В таком духе он и высказался на совещании с участием первого замминистра иностранных дел, прошедшем в Хабаровске с полгода до кровавых событий. Однако высшее руководство горой стояло за сохранение территориальной целостности.

К осени шестьдесят восьмого года и Леонов, и Константинов чувствовали, что зимой возможны куда более жёсткие действия, чем кулачные бои... Но вот именно такого коварства, как удар из засады, не ожидали.

После второго марта Леонов почти не спал. «Мне бы немного поспать и я хоть сейчас в бой», – думал он. Ему приходилось заниматься большими и маленькими делами. Известить жён о гибели их мужей. Готовить траурные мероприятия. Подписывать справки, документы. По нескольку раз в день выезжать на заставы. Выслушивать сообщения высоких гостей из Москвы, из округа...

В отличие от Матросова Захаров не ходил по острову во весь рост. Он исползал его, переодевшись в солдатскую форму. И, посетив в госпитале Виталия Бубенина, сказал:

– Сынок, я прошёл Гражданскую войну, Отечественную, борьбу с оуновцами на Украине. Всё видел. Но такого – не видел!

67

Провожая в Имане комиссию, у трапа самолёта Леонов обратился к генералу Захарову с просьбой передать руководство КГБ и лично Юрию Владимировичу Андропову заверение в том, что в случае повторных провокаций на участке отряда пограничники дадут достойный отпор и выполнят свой долг до конца.

Полковник Иванчишин, стоявший рядом, был несколько озадачен столь необычной формой обращения к старшему начальнику. Просьба... Не рапорт, не донесение, а просьба... Но Демократ Леонов вообще был человек необычный. Его интеллигентность резко контрастировала с военной средой, начиная с «выканья» при обращении к рядовым.

Все дело в матери. Если отец Демократа носил погоны офицера-пограничника, то мама до революции окончила бакинскую гимназию и в эпоху Маяковского страстно любила творчество этого поэта. Она хотела назвать сына Владимиром, чтобы стал Владимиром Владимировичем, как поэт. Однако отец с этим не согласился и выдвинул другое имя, которое и записали в метрики.

6

Года за два до даманских событий инженерная рота построила на второй заставе наблюдательную вышку. Каждый день на ней сменяли друг друга часовые границы. Вышка сварная, высоченная, с тремя этажами-площадками. Пока вверх заберёшься – упаришься. Поэтому кто-то съюморил, нацарапал на верхнем перильце: «С лёгким паром!».

...Величественный обзор открывается вокруг. Ледово-снежная полоса Уссури. В девяти километрах направо лежит остров Даманский. Он не виден из-за горы Кафылы. На другом берегу реки – сопки в ржаво-рыжем дубняке, не сбросившем на зиму листву. Там начинается чужая, неведомая земля с её миллиардным населением.

Не так давно на том берегу виднелись фанзы с вогнутыми крышами. В них жили рыбаки. Посмотришь, из фанзы выбежали голые дети... И побежали куда-то... Потом старых китайцев оттуда выселили. Они хорошо относились к русским, помнили ещё сделанное добро. Привезли на место деревни молодёжь, хунвейбинов и цзаофаней. И построили дорогу. Строительство поражало тем, что обходилось без техники, тьмой народа с тачками.

Пограничники помнили то время, когда жили с китайцами в самой горячей дружбе. Неужели

оно было, это время? Было... С весны на Даманском оставались озерки и заливычки. Китайские рыбаки занимались там ловом. Их пограничники приходили играть в футбол и волейбол. Если они выигрывали, им выкатывали бочку засоленной красной рыбы.

А теперь что? Мао Цзэдун. Один человек, а столько пьёт крови.

На похоронах отец Коли Дергача, Тимофей Никитич, говорил:

– Мне завтра исполняется пятьдесят лет. Вот как дело обернулось... Единственного моего сына Мао убил... Коле было только двадцать лет, только жить начинал... Сейчас, по мирному времени, я – совхозный работник. А в Отечественную я был артиллеристом. И, между прочим, в сорок пятом году в Китай со своим полком пришёл, чтобы прогнать японцев с китайской земли. Что же это получается? Квантунскую армию японских империалистов мы разгромили, чтобы помочь китайскому народу. После сорок девятого года заводы, фабрики помогали Китаю строить. А Мао коммунистов настоящих у себя казнит и на нашу советскую землю зарится... Видно, плохи его дела, не верит ему китайский народ, и поэтому он ищет спасение в чёрном разбое.

62

Коля Дергач, кемеровчанин, был другом Бабанского. Гибель его оказалась нелепой. Он демобилизовался и ждал транспортной оказии, чтобы выбраться с заставы и уехать домой. Да вот, решил напоследок помахать с китаёзами... Кто бы мог подумать, что в тот день они решили стрелять и убивать...

Китайцы, ясное дело, не все одинаковы. Как посмотришь, в этих кулачных боях встречались пьяные рожи, нажравшиеся своей ханжи, которые лезли на русских, как невменяемые. Попадались и такие, что дрались не очень охотно, погоняемые своими начальниками. Только начальник отвернётся, так они отступают.

От частых стычек наши пограничники ходили в синяках и ссадинах, в рваных полушубках, то рукав махрится, то на плече клочок вырван, то подол подорван. Иной раз китайцы высмеивали «оборванцев». А сами-то... Худые и голодные, прозрачные и малосильные. Порой взглянешь, он одет тепло, в толстый свитер, а курточка распахнётся – свитера-то нет, один воротник от него на шее...

С тех пор как «вечной дружбе» пришёл конец, бывшие «братья» всё больше наггели и становились изошрённее в провокациях. Про-

плывая на своих катарах по реке мимо застав, они повадились оскорблять погранцов видом голых задниц, демонстрируя их с выразительным презрением. Но и на эту выходку нашёлся достойный ответ. Отыскали в книге портрет Великого Кормчего, сделали его художественную копию размером в два метра и начали выставлять напротив задниц. Понятное дело, обнажения прекратились.

Весь Китай был оклеен портретами Мао, а в последнее время везде пестрели плакаты с угрозами «разбить собачью голову Брежнева». Накануне IX съезда компартии Китая маоисты клеймили «советских ревизионистов» и... можно было только догадываться, что КНР готовилась к войне, зачинщиком которой якобы явится советский «социал-империализм».

Напротив острова Даманского стоял китайский пограничный пост Гунсы, в районе которого накапливались силы НОАК – Народно-освободительной армии Китая. Территория, прилегающая в этом месте к реке Уссури, относилась к Шэньянскому военному округу.

К двадцать пятому января шестьдесят девятого года в штабе военного округа разработали план боевых действий. Командовать частями на Даманском был назначен Ван Цзылян, а общее руководство операцией возлагалось на заместителя командующего войсками военного округа Сяо Цюаньфу. Но за ними усиленно наблюдал маршал Линь Бяо, официально назначенный преемником самого Мао Цзэдуна. Так что стрела, нацеленная на Даманский, несла в себе энергетику высшей власти и злобы борющихся за власть драконьих умов.

План этот был утверждён Генштабом девятнадцатого февраля, в ЦК КПК операции присвоили название «Возмездие».

Рассчитывали на внезапность. Предусматривался быстрый отвод сил назад. Поставили задачу захватить образцы советского вооружения, аппаратуры, фотодокументов как доказательство виновности в агрессии.

И – любыми способами добыть доказательства того, что советская сторона открыла огонь, а если, мечтали, советские солдаты углубятся на территорию Китая, то захватить несколько человек.

Шэньянский военный округ входил в территориальную структуру Ляонинского ревкома.

Ревкомы... Такие органы создал Мао, чтобы противопоставить их традиционным горкомам коммунистов, которые не всегда покорялись идеям Кормчего.

– Наши предки, жившие при феодализме, смотрят на нас и узнают себя! – говорила коммунистка и скрипачка Чжан Чжисинь на Ляонинском парткомитете. – В партии не должно быть личного поклонения. У меня большие сомнения по поводу Цзян Цин (жены Мао). Почему её нельзя критиковать? Почему Группа по делам Культурной революции поставлена над партией? Почему мы подчиняемся, даже когда не понимаем смысла? Ради авторитета председателя Мао и Линь Бяо? Но я не верю Линь Бяо!

Говоря это, Чжан Чжисинь понимала, что не миновать ей тюрьмы.

Разве мог двадцативосьмилетний Мао Юаньсинь, слушая её, оставаться спокойным? Мао Юаньсинь, племянник самого Председателя. Когда арестовали Чжан Чжисинь, он командовал хунвейбинами в Ляонинском ревкоме. Потом комиссарил в Шэньянском военном округе.

Мао Юаньсинь участвовал в Культурной революции со всей душой – с идейным безумием, жестокостью и пресмыкательством перед хозяевами страны, при которых постоянно вертелся. Преданный блюдолиз своего дяди, Мао Юаньсинь был также близким другом-подхалимом Цзян Цин.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Город Иман называли по реке, которая делила его надвое и впадала в Уссури, иногда разливаясь наводнением. Деревянные бараки тридцатых годов, одноэтажные домики, дощатые заборы и тротуары делали его больше похожим на рабочий посёлок, чем на современный город. В непогоду окраинные улицы становились непролазными и в конце пути вообще приводили на заболоченные пустыри.

В марте шестьдесят девятого года Иман наводнили сотни журналистов, в большинстве своём москвичей. Хабаровский радиожурналиста Владимир Фридьев со своим издавшим виды магнитофоном «Репортёр-3» чувствовал себя среди них вполне по-братски. Однако в глазах подполковника Зубкова он не поднимался выше второго, а то и третьего сорта. Фридьев рвался на Даманский, но Зубков был непреклонен

63

и подвергал провинциальных акул пера и радиозвука обидной дискриминации:

– На заставе «Нижне-Михайловской» сложная обстановка, местным журналистам там делать нечего, есть московские. Нужно сделать передачу о героях прошедшего боя? Пожалуйста, идите в госпиталь, там есть легко раненные, делайте репортаж оттуда.

Никакие мольбы и доводы не помогали.

Фридьев продолжал упорствовать и оставался в Имане. Город распирало от наплыва знаменитостей. Композиторы, артисты, художники, поэты, космонавты... Все они дышали порывом поддержать границу, всех Родина направила развеять уныние от страшной гибели молодых парней. Фридьев пошёл на похороны двух офицеров.

Ивана Стрельникова и Николая Буйневича хоронили в городском парке. Гробы несли по улице мимо дома Леонова. Огромная масса людей провожала их. Духовой оркестр без усталости играл похоронный марш. И речи, речи, речи... Леонов, Павлинов, Константинов, пограничники-комсомольцы, простые рабочие и колхозники, генералы из управления округа...

Толпа замерла, когда к микрофону подошёл Иосиф Кобзон. Мощь его голоса совпадала с проникновенностью чувства.

*Тишина на границе обманчива очень.
Снова слышатся выстрелы с той стороны,
Смотрит синее небо в закрытые очи,
И не будет, не будет двадцатой весны...
Им носить бы сейчас боевые награды,
Только жаль, не успели вручить ордена.
Спите, мальчики, спите спокойно, солдаты,
Будет вечной наградой вам тишина.*

Буквально день назад на второй заставе эту песню сочинили поэт Игорь Шаферан и композитор Ян Френкель. Площадь обнажила головы и плакала...

Кобзон пел на заставах, а прощальный концерт дал в рабочем посёлке для жителей. Его ушлый директор, решив, что с гражданского населения можно, пожалуй, постричь денег, назначил за билеты по полтинничку.

Кобзон так рассвирепел, что закатил директору жуткий скандал:

– Сукин ты сын! Меня прислал сюда ЦК комсомола! А ты позоришь перед народом!.. Как теперь людям в глаза я буду смотреть?! Отдай эти

деньги поселковому начальству! Пусть они на них с людьми вместе помянут «даманцев»!

Фридьев взял интервью у Кобзона, космонавта Вольнова, знаменитого снайпера Великой Отечественной Людмилы Павлюченко, сержанта из группы Бабанского Магруфа Ахметгареева, которого посетил в госпитале. Этот юный татарин с ясным, каким-то молитвенным взором голубых глаз изумил его тем, что заговорил о своей жалости к китайцам, в которых пришлось стрелять. Ведь у них, мол, тоже есть мамы, братья, сёстры... Раненный в руку Ахметгареев на поле боя отличился тем, что спас потерявшего сознание в горящей автомашине водителя Петра Литвинова. Вот такой героический паренёк, шахтёр из кузбасского города Анжеро-Судженска, паренёк совсем не атлетической комплекции.

Несколько раз Фридьев перечитывал газетную вырезку с нотой советского правительства: «2 марта в 4 часа 10 мин. московского времени китайские власти организовали на советско-китайской границе в районе пограничного пункта Нижне-Михайловка (остров Даманский) на реке Уссури вооружённую провокацию. Китайский отряд перешел советскую государственную границу и направился к острову Даманский. По советским пограничникам, охранявшим этот район, с китайской стороны был внезапно открыт огонь из пулеметов и автоматов. Действия китайских нарушителей границы были поддержаны из засады огнем с китайского берега реки Уссури. В этом провокационном нападении на советских пограничников приняло участие свыше 200 китайских солдат. В результате этого бандитского налета имеются убитые и раненые советские пограничники. Наглое вооруженное вторжение в пределы советской территории является организованной провокацией китайских властей и преследует цель обострения обстановки на советско-китайской границе. Советское правительство заявляет решительный протест правительству Китайской Народной Республики...».

Владимира так захватило желание попасть в район боевых действий, что он думал об этом днём и ночью: «Пробиться. Пробиться. Как пробиться? Не пускают? Пробьёмся!»

Ему посчастливилось выпросить в горкоме ДОСААФ грузовик. На нём рано утром пятнадцатого марта, как нарочно, в день второй провокации китайцев на острове, он подъехал к штабу погранотряда и категорически заявил в политотделе:

67

– Можете меня арестовывать, но я еду в Нижне-Михайловку!

– На чём? – удивился Зубков.

– На ГАЗ-63.

Подполковник почесал пальцем седеющий висок, подумал.

– Людей возьмёшь? У них машина вышла из строя.

– Конечно возьму.

И они поехали. В кабине сидел попутный старший лейтенант. Поэтому можно было надеяться на отсутствие проблем с военными постами. Но, как ни странно, никаких постов и не оказалось. Новому начальнику заставы, молоденькому лейтенанту Михаилу Колешне, Фридьев предъявил командировочное удостоверение Приморского радио, офицерский военный билет и попросил выдать оружие. Ему вручили автомат, который он повесил поверх магнитофона. Так, по его словам, он оказался единственным приморским журналистом на Даманском пятнадцатого марта.

2

В свои сорок лет Константинов прожил жизнь беззаветно воюющего солдата, начиная с юности. Там, в юности, как живые, остались самые грозные впечатления и самые сильные чувства.

Вот, когда уничтожили японский бронепоезд, к оставшимся в живых артиллеристам приезжает командир корпуса Герой Советского Союза Васильев.

– Кто корректировал огонь?

И вручает Александру орден Красной Звезды.

Вот японец, прикованный к пулемёту цепью с замком и стрелявший, пока не убили.

Вот героически погибший старшина Степан Резник.

Это он гаркнул:

– Что зенки раскрыли?! Марш в хату!

Иначе остолбеневшие юнцы, до того женщин не видевшие, так и не пришли бы в себя до утра, когда из парилки в чём мать родила вышла деревенская красавица и не спеша отправилась к речке. Тогда они стояли под Магнитогорском на переформировании. Там и встретили День Победы над фашистской Германией.

Ушедший добровольцем на фронт, Саша Константинов участвовал в тяжёлых боях в Померании – из сотни танков бригады уцелели меньше десятка.

В шестнадцать лет, до фронта, он поступил в речное училище на судоводителя. Жадно влекла

речная романтика, так мечталось о неотразимой прекрасной форме с бескозыркой. Курсынты взбунтовались против жульничества столовой при нарезке кусочков масла, объявили голодовку. Капитан НКВД крайними сделал не жуликов, а борцов за справедливость. Таков был жестокий урок жизни. Но, узнав, что Сашка – сын пограничника, под суд не отдал, дело кончилось отчислением из училища.

Отец – кадровый пограничник. Одно время он служил вместе с Никитой Карацупой, о котором писали книги и слагали стихи, и хорошо знал его. На заставах Сашу всегда тянуло к питомникам служебных собак.

Отца арестовали по доносу. При Берии, который сделал послабление после кровавого наркома Ежова, он из лагеря вышел. На фронте командовал отделением штрафников. Домой вернулся с охромевшей ногой, работал лесничим на Дальнем Востоке, служил в железнодорожных войсках замкомандира батальона.

Лет двадцать после войны пролетели для Александра Константинова в более-менее спокойных пограничных буднях. Он окончил академию имени Фрунзе.

Китайские соседи вели себя приветливо, улыбочиво, скромно, благодарные за военную и экономическую помощь. Коммуниста до мозга костей Константинова не покидало тёплое сознание социалистической солидарности. Дружба двух великих стран сулила огромные перспективы в общей борьбе против мирового зла – империализма. Торжествовала правота ленинских идей! Однако Мао повёл Китай куда-то не туда. Голод и цитаты из его низкопробных трудов, ненависть к СССР, уничтожение интеллигенции, запугивание людей, доведение масс до искреннего идиотизма. Хороший коммунизм!

Обострение отношений на границе и ощущение надвигающейся беды заставило их с Леоновым написать письмо в округ с критикой Военного совета, который, по их мнению, проявлял полную беспечность вкпе с некомпетентностью. Генерал-лейтенант Секретарёв, известный своей крутизной, крепко отругал их за критику больших людей. Однако через месяц позвонил в отряд.

– Как вы там?

– Да всё нормально, товарищ генерал.

– Завтра буду у вас, встречайте только вдвоём, я еду к вам тихо.

Ну приехал, посидели с Константином Фёдоровичем, поговорили. И он под конец:

65

– Вы, ребята, поймите, над нами Москва, а там, в КГБ, сидят люди невоенные, и они не очень понимают, как и что... Сделайте всё, чтобы огонь мы не открыли. Нам нужно – чтобы не было огня...

Вот так и не открыли... Пока не случилось второе марта...

В тот день они с Леоновым на вертолёте пролетели над второй заставой и полетели дальше, к Даманскому. На самом острове ничего не видно, а у берега, обращённого к ним, бегали люди. Посреди реки стоял БТР, возле него суетились человеческие фигурки. Вертолёт сел, командиры выскочили на снег.

Мимо них пронесли сержанта Ермолюка с оторванной ногой, она держалась только на штанине. Его сразу – в вертолёт... Константинов схватил автомат, пули цвиркали. «Бой, – подумалось, – не кончился». Бубенин, весь в крови, рвался из-под руки державшего его за плечи ефрейтора Захарова:

– Пустите! Я к своим пойду!

Константинов ещё погорячился тогда, это у него бывало: мгновенно вспыхивал от малейшего запала. Он гневно крикнул Захарову:

– А ты что здесь делаешь? Из боя решил выйти? Под суд пойдёшь!

Захаров испуганно вытянулся перед рывнувшимся подполковником. Замполит увидел бегущую из его левого рукава кровь. Бубенин свалился на снег.

– Извини... – спохватился Александр Дмитриевич, глядя на Захарова по-другому. – Иди на перевязку... А старшего лейтенанта – срочно в вертолёт! – крикнул он подбежавшим бойцам.

После газетного сообщения о бое самые простые люди написали пограничникам множество писем. «...Мы гордимся вашими подвигами и разделяем скорбь отцов и матерей, жён и детей... Мы не испытали ужасов войны, но мы знаем, какой ценой заплатили наши отцы за то, чтоб сегодня мы учились и не знали горестей и печали...» Иманскую почту завалили посылками с адресовкой на боевые заставы.

Константинова потрясло не то, что прислали полтора десятка аккордеонов, гармоней, сотни приёмников, магнитофонов, стиральные машины, холодильники, полтонны шоколада, несколько бочек мёда, ящики икры, копчёной рыбы. Из Болгарии – пятнадцать мешков свитеров, рукавичек, носков. Их связали сестрички-славяночки. Тепловоз пригнали из Омска. С огромной бе-

лой надписью на зелёном фоне: «Героям Даманского». Его передали Дальневосточной железной дороге. Спасибо чуткому и доброму народу! Нет, даже тепловоз не потряс Константинова.

А пробила замполита посылка с Украины. Посылки вскрывали, так как в них вкладывали много водки, весь отряд мог спиться. Открыл эту посылку подполковник Зубков.

– Ой, Александр Дмитриевич, это вам, тут написано: «Комиссару отряда»!

Развернули холстину. В ней сало и двухлитровая бутылка первача, заткнутая початком кукурузы. И письмо: «Вот, мой мужик воевал, был политруком, погиб он. И когда нас освободили, мимо шла воинская часть, и у меня дома тоже был комиссар, добрый был дядька. Сварила я вечером картопли, они достали все своё и помянули всех погибших... Я старая. Не очень богатая. Собрала, что могла. Вот тебе, комиссар, наша горилка, сало. Хлеба авось найдёте. Помяните всех, кто погиб, пусть им будет светлая память и земля пухом».

Они с Зубковым хватанули по стакану...

Простая славянская женщина. Простое письмо. Такое неграмотное, корявое... Но, пока жив, Константинов будет помнить его наизусть...

3

В нескольких десятках километров от Имана базировался 199-й (Верхне-Удинский) мотострелковый полк, 2-м батальоном полка командовал подполковник Александр Иванович Смирнов. Замполит – майор Зиннур Гатин, начальник штаба – капитан Юрий Лавров, достопримечательный тем, что приходился братом народному артисту СССР Кириллу Лаврову.

Второго марта батальон следовал на учебный полигон. Техника двигалась медленно, то по просёлкам, то по бездорожью. И лишь поздно вечером батальон добрался до цели. Комбат отдал приказ накормить личный состав.

Отправив ефрейтора-радиотелеграфиста ужинать, за радиостанцию сел сам начальник связи батальона Анатолий Павленко. Не успел он надеть шлемофон, как услышал в эфире позывной. Но позывной вызывающего в переговорной таблице радиоданных отсутствовал. Значит, не имеешь права и входить с ним в связь.

Доложил подполковнику, спросил:

– Отвечать или молчать?

Вдруг это китайцы, которые часто входили на армейские частоты и вели свою тарабарскую пропаганду.

– Ответить! – сказал комбат, подумав.
– Кто у аппарата?.. – поступил запрос. – ...

Где командир?

– Рядом.

– Командира к аппарату.

Павленко передал комбату шлемофон. После короткого радиообмена подполковник сказал:

– Передай всем циркулярно: «Закончить приём пищи, по машинам, кругом, следуй за мной».

Всем, кто сидел в бэтээре, сообщил:

– На границе ЧП. Идём на поддержку.

Сорокалетний подполковник Смирнов родился в Хабаровском крае и после школы окончил пехотное училище. Он имел репутацию «военной косточки». Руководимые им подразделения неизменно выходили в передовые по всем показателям.

Александр Иванович слыл великолепным стрелком и строевиком, самостоятельно познавшим премудрости военного дела. Для военного без академического образования Смирнов сделал неплохую офицерскую карьеру – прошёл путь от комвзвода до комбата.

Только-только придя на полигон, быстро свернувшись, батальон двинулся в обратном направлении. Выйдя к трассе Владивосток – Хабаровск, Смирнов повёл колонну на пределе скорости. Замелькали городки и сёла. Быстрее к родному Филино. На артскладах уже стояли под погрузкой «Уралы».

Люди устали. В душах теплилась надежда, что всё обойдётся, приказ отменят и батальон расположат на отдых. Надежда не оправдалась. Тогда вперёд, вперёд – на помощь погранцам!

Третьего марта прибыли в район заставы «Нижне-Михайловской». На лицах пограничников – скорбь и печаль. Они готовились к похоронам.

Учитывая заявление китайцев, что «это только первый урок, а будут и следующие», ожидали провокации на острове Киркинском. Поэтому Смирнов принял решение разделить «отряд поддержки» (так батальон назывался для маскировки) на две части. Одна осталась в Нижне-Михайловке, а вторую капитан Лавров увёл в район заставы «Кулебякины сопки».

На «Кулебякиных сопках» армейцев встретили очень радушно: ведь подмога. Погранцы облегчённо вздохнули.

Несмотря на измотанность пятидневным маршем, решили в тот же день провести совместное комсомольское собрание. Незабываемым получилось оно.

Пламенно говорил пограничник Николай Пузырёв:

– Стоять будем насмерть. Не отдадим китайским провокаторам ни пяди советской земли!

Пузырёв – это тот парень, что лежал в цепи вместе с Василием Каныгиным при отражении китайских атак в то время, когда начальник заставы «Кулебякины сопки» Виталий Бубенин укатил на бэтээре громить тыл противника.

Порыв Пузырёва на собрании поддержал от батальона старший сержант Владимир Орехов. Таким и стало общее решение комсомольцев.

Дома Орехова ждала жена. Они познакомились в городе юности. Студентка медицинского училища Комсомольска-на-Амуре и рабочий судостроительного завода. Увидели друг друга случайно, и скоро она обещала ждать его из армии. Володя уже служил, когда сын Серёжка родился.

Утром четвёртого марта на заставе приземлился вертолёт. Выбравшийся из него военачальник устроил громогласный разнос за то, что на территории заставы, как на параде, выставили бэтээры и автомобили. Несомненно, он прав, признал капитан Лавров, брат народного артиста. Со стороны КНР застава – как на ладони. Нельзя проявлять беспечность. Он приказал немедленно покинуть заставу и занять оборону за отдалёнными сопками.

Там батальон замаскировался. Офицеры бросили солдатам мешки с зелёными погонами.

– Армейские срезать, эти пришить!

4

Как и Леонов, майор Косинов начал карьеру с суворовского училища. Все знали его как профессионала высшей марки, талантливого и тактически грамотного, каких мало. Он служил с необыкновенной любовью к военному искусству, границе и самой службе. Кряжистой комплекции, русый, улыбчивый, он легко запоминался по внешности и узнавался издали по этакой добродушной весело-зубастой улыбке во весь рот.

Незадолго до мартовских событий Петра Ивановича повысили в должности до заместителя начальника Гродековского погранотряда. С группой пограничников из этого отряда он поступил в резерв Леонова.

Праздник Восьмого марта сдулся до скупого телефонного поздравления жены. С головой, гудящей от дел, Косинов поздно вечером лёг спать. Но затрезвонил телефон.

– Леонов. В районе Верхне-Михайловки китайцы сосредоточили большие силы. Как, Пётр Иванович, сможете ли выехать туда?

– Какой вопрос, Демократ Владимирович!

Косинов с резервами мигром собрался. Всё время висела зобота: не дать повториться второму марта. Целый день пограничники занимались боевой подготовкой, тактикой, гранатометанием.

А четырнадцатого днём майор получил распоряжение Павлинова:

– Ты должен вернуться в отряд.

Косинову надлежало командование мангруппой Гродековского отряда передать начальнику Михаилу Рвачёву, а самому с представителем войск округа выехать в штаб Иманского отряда.

Темнело. По пути оба они с представителем округа заскочили в офицерское общежитие и встретили там полковника Сечкина, начальника оперативной группы, которая контролировала ситуацию на Даманском. Косинов доложил обстановку на восьмой заставе.

– Хорошо, – кивнул Сечкин. – Я сейчас еду с резервом Иманского и Камень-Рыболовского отрядов в Нижне-Михайловку. Леонов уже там.

– А что такое?

– Ты разве не знаешь? Китайцы опять подтягивают туда силы. Не исключено, что там уже что-то началось.

– Да? А мне приказано вернуться с восьмой заставы и в отсутствие Леонова руководить отрядом вместе с Павлиновым. Но раз так, разрешите и мне с вами, товарищ полковник? Всё равно у меня людей нет. А там я, может быть, пригожусь.

Сечкин замаялся.

– У тебя же приказ Лобанова*?..

– Ну да, вот я вам и докладываю. Пусть ваш товарищ, – он показал на офицера окружного управления, – едет в штаб и помогает Павлинову. А мне разрешите с вами?

– А, ладно, поехали! – сдался Сечкин, чуть подумав. Не только военный, но и учёный, доктор военных наук, он сохранял в себе способность склоняться в пользу разумных решений, даже если они противоречили однозначности приказов. В Отечественную Георгий Петрович воевал под Ленинградом.

По договорённости с Павлиновым тринадцатого числа Леонов возвращался в Иман, а Павлинов сменял его в Нижне-Михайловке. Демократ Владимирович приехал в управление. Павлинов ждал его в полушубке и валенках, готовый немедленно в путь. И вдруг звонок из округа: Лобанов распорядился, чтобы Леонов немедленно выехал обратно на заставу. Видимо, появились новые данные...

– Ну вот видишь, – сказал Леонов извиняющимся голосом. – Ничего мы с тобой поделать не можем. Оставайся тут, командуй отрядом.

Леонов успел побывать дома, где оставил записную книжку с пришедшей в голову мыслью: «Надо работать, как Ленин, минута в минуту».

Кроме боевых дел, он не забывал о выборах в депутаты районного совета, назначенных на шестнадцатое, и подготовил речь с благодарностью избирателям за высокое доверие, которое наверняка они окажут ему. На шестнадцатое же Демократ Владимирович запланировал прослушивание радиорепортажа о матче советской сборной по хоккею на чемпионате мира в Стокгольме. Страсть спортивного болельщика никогда не покидала его.

Константинов тоже приехал на заставу. В Имане он заехал на почту, забрал пару мешков писем и телеграмм. Одна телеграмма, вытщенная наугад, очень его позабавила. Пограничников после суровой службы приглашали отдохнуть в ресторане.

Они с Леоновым беседовали, пили крепкий чай, отгоняя сонливую одурь. Поспать нормально никак не удавалось. Тревожная обстановка, телефонный трезвон, требование докладов, приказы, приказы с разных сторон: по линии КГБ, погранокруга, погранглавка, штаба погранвойск СССР... Они противоречили один другому, неизвестно, кого слушаться. Голова шла кругом. Что-то грозное надвигалось на Даманский...

Четырнадцатого марта в 11:15 посты наблюдения заметили выдвижение группы вооружённых китайцев в сторону острова.

Однако приданный погранотряду армейский батальон в это самое время (днём раньше) умчал, оказывается, на стрельбище. Так приказал командир полка Крупейников, приятель Леонова, с которым они иногда вместе охотились. Он, видите ли, хотел, чтобы люди закрепили навыки, которые потребуются в настоящем бою. Больше огня, мол, – меньше потерь. А если китайцы попрут, пока батальон закрепляет навыки?.. Леонов и Константинов кипели возмущением.

На заставу позвонил генерал Павел Михайлович Плотников и успокоил:

* Генерал-майор Василий Фёдорович Лобанов – начальник войск погранокруга.

68

– Будет вам батальон, будет танковая рота, минбатарей. У вас есть артиллерист, который мог бы с нами как-то взаимодействовать?

– Конечно есть.

Около 15:00 Леонов получил приказ: пограничные наряды с острова убрать!

Пограничники отошли с Даманского. Сразу же на сопредельной стороне началось оживление. Китайцы мелкими группами по десять-пятнадцать человек начали перебежками забираться на остров, другие занимали боевые позиции на китайском берегу.

Выполняя приказ Леонова, мотоманёвренная группа Яншина из восьми бэтээров развернулась в боевой порядок и продемонстрировала намерение проутюжить остров с севера на юг. Китайцы моментально отошли. Бэтээры вернулись на исходные позиции в район речной косы.

Яншин образцово выучил личный состав мангруппы. Он создавал на занятиях атмосферу реального боя: рвались взрывпакеты, трещали выстрелы, солдаты атаковали укрепленные позиции «противника», заменяли друг друга в расчётах и экипажах, учились оказывать помощь раненым.

Около 20:00 снова позвонил Лобанов:

– К утру занять остров мангруппой!

Возможно, сначала высшее командование решило пустить противника на остров, чтобы накрыть его артударом. Затем планы поменялись... Но никто исполнителям приказов не докладывал, кто и как порождал идеи и почему в своей противоречивости они оказались безответственными.

На месте действий за всё отвечал прежде всего Леонов. Он вызвал к себе офицеров мангруппы и поставил боевую задачу. К нему явились подполковник Яншин, майор Косинов, старшие лейтенанты Соловьёв, Маньковский, лейтенант Клыга, младший лейтенант Попов.

Задача: сорока рядовым и сержантам и пяти офицерам на четырёх бронетранспортёрах выдвинуться на остров. И если там китайцы, выбить их. Если их нет, занять оборону ближе к южной части острова. Час на подготовку к выходу.

Когда Леонов докладывал полковнику Сечкину, кому идти на остров, а кому оставаться на командном пункте, Косинов, стоя за спиной у Сечкина, подал Леонову знаки жеста: «Хочу идти на Даманский».

– Если можно, направьте Петра Ивановича вместе с нами... – попросил Леонов.

– Это уже не твой офицер, он прибыл вместе со мной, обойдётся без него.

Но неугомонный майор продолжал выразительно жестиковать. Леонов опять высказался за него. Сечкина осенило, в чём дело, он обернулся и сердито ругнул Косинова. Тем не менее к просьбе прислушался.

5

В 1:00 подняли солдат по тревоге и подали команду строиться.

Комсорг мангруппы младший сержант Михаил Иванов, родом из Юрги, заметался в поисках своих валенок. Они никак не находились, да так и не нашлись. Видно, кто-то схватил впопыхах. Ситуация нелепая. Не босиком же вставать в строй! Ещё и трусом могут объявить, скажут, нарочно валенки затерял, чтобы не идти в бой. Решение он принял: натянуть сапоги.

– Вот бы в баню сейчас... – помечтал кто-то спросонок.

Ночь выдалась звёздная, холодная.

– Будет вам баня! На острове! – пошутил не столько весело, сколько мрачно Константинов.

Младший лейтенант Николай Попов по возрасту никак не отличался от подчинённых с его трёхмесячными офицерскими курсами за плечами. Отдохнуть перед выходом не пришлось. Тяготила не прошедшая со вчерашнего дня усталость, в голове стояла сонливая муть. Перспектива идти в неизвестность, когда можно было запросто напороться на засаду, не радовала. Ведь и Стрельников, и группа Рабовича погибли от неожиданного огня из засад. А умирать в двадцать лет не хотелось. Вдали от родной земли, где родился и вырос.

Примерно так маячило в головах у всего строя. В гнетущей тишине, как если бы родители обрекали родных детей на смерть, все напряглись и оцепенели.

Леонов сказал о священном долге, о защите рубежей Родины. Любой солдат не раз слышал подобные слова. Константинов говорил с комиссарской убеждёностью, сам зажигаясь красотой предстоящего подвига и готовностью отдать за Родину жизнь.

– Солдаты, мы на своей земле и умрём, но не отдадим её никому!

После таких слов только «ура» и в атаку. Однако и эти страстные слова не помогли сбросить оцепенение.

Константинов нутром чувствовал состояние лейды. В утилии его ума как-то сама собой вспомнилась одна забавная телеграмма. Он вытащил её из нагрудного кармана и зачитал.

– Остров Даманский. Погранзастава Стрельникова. Гордимся вашим подвигом. Скорбим по погибшим. Стойте мужественно. Ждем вас в гости. Сотрудники треста ресторана города Сочи.

Солдаты заржали как жеребцы. Ведь за каждым их шагом следили, чтобы ни капли в рот. А тут – сам начальник политотдела в кабак как бы приглашает!

– Товарищи! Побьем китайцев, отгоним их и споём песенку «Дошли до Берлина, дойдём до Пекина»! – завершил Константинов речь.

– А что, товарищ подполковник, можно бы и съездить в ресторан! – вполне заинтересованно сказал Илья Кобец, славный долговязый сержант.

В кулачных потасовках он однажды спас Бубенина от хунвейбинов, когда они чуть не утащили его в Китай. Илья разбросал китайцев и на себе вынес командира с поля боя. Но не меньшую славу Кобец заслужил тем, что его невозможно было перепить.

– Да, – принял Константинов игру, – вот закончится драка, и поедем всей манёвренной группой во главе с вашим командиром Яншиным.

Все снова дружно грохнули смехом.

Леонов и Константинов обошли строй, крепко пожали руки каждому бойцу.

– Лейтенант Клыга, как командир боевой группы вы поняли свою задачу?

– Понял, товарищ полковник.

– В случае непредвиденных обстоятельств действуйте по обстановке. Я в вас уверен, Анатолий Петрович. Желаю успеха!

– По местам!..

Чуть взбодрённые бойцы сели по бэтэрам. Попов сидел на броне. Подошёл Константинов.

– Смотри, Попов, вы все мне нужны только живыми, будьте осторожны и внимательны, возвращайтесь с победой!

– Конечно, будем стараться, нам же ещё родным надо показаться дома!

Яншину, зная его горячность, Константинов сказал:

– Если что, Евгений Иваныч, на рожон не лезь. Сам знаешь, кровь людская не водица. И возвращайся живым!

Армейские разведчики развернули сеть НП. Смотрели, слушали, докладывали. Китайцы на

своём берегу строили оборону, укреплялись. Прояснилась картина и с их дислокацией на самом Даманском.

В 1:00 пятнадцатого марта начал подтягиваться к острову пехотный полк. Открыто, без светомаскировки, на ЗИЛ-157. Сразу заработало множество их радиостанций.

На НП 135-й дивизии на горе Красной работал оператор спецаппаратуры. Она давала возможность видеть ночью, как днём. Командир дивизионной разведроты майор Сергей Шпигун находился в это время там.

К 5 утра он прибыл на КП дивизии с картой Даманского, где чётко была обозначена ловушка-мешок, которую приготовили за ночь китайцы. С большим количеством гранатомётов и крупнокалиберных пулемётов. Доложил командиру дивизии. Он вызвал начштаба и приказал доработать операцию с учётом новых данных.

Подошёл Леонов, недоверчиво высказался:

– Пока мой пограничник не увидит всё своими глазами, я вашей технике-аппаратуре не поверю!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

70 На остров зашли в полной темноте по приборам ночного видения. Семь машин остались на берегу в резерве.

Главным шёл БТР Маньковского, вторым – Попова, в центре следовал Яншин вместе с Клыгой, концевым – старший лейтенант Игорь Соловьёв. Яншин старался не выдать волнения. Ведь боевого опыта ни у кого из офицеров нет, все они замполиты, призванные по должности воспитывать солдат, а не управлять ими в бою.

Бэтэры двигались след в след, продавив броневой массой глубокую колею. Яншину пришлось в голову, что она вполне сойдёт за укрытие.

– Примечайте! И рыть не надо. Сгодится в бою!

– А мы в обороне сидеть и отступить не собираемся! – звонким голосом и с мальчишеским жаром сразу откликнулся Сульженко.

– А ты не шути, Сынок! – урезонил его рассудительный водитель-сибиряк Николай Смелов. – Окоп готовый. И раненых вытаскивать сподручней.

Осенью паренька по пояс ему ростом привёл в мангруппу Илья Кобец.

– Сколько ты вешишь, сынок? – не мог сдерживать улыбки Яншин.

- И так видно, пятьдесят четыре килограмма.
- А родом откуда?
- С Амурской области, город Завятинск.
- Ничего, сынок, тут у нас подрастёшь и вес наберёшь, дома не узнают.

Так и прозвали его Сынком.

Перед боем Виталий Сульженко подал заявление в комсомол. Принять не успели.

– Считай, что в бой идёшь комсомольцем! – заверил комсорг Иванов.

Всё было как на фронте...

Яншин посмотрел в оптический прицел: запылённые снегом кочки, кусты, деревья замерли в полнейшем беззвучии. Какие же неожиданности таила эта коварная тишина? Он дал команду занять удобную позицию. Солдаты залегли на краю острова, как раз там, где второго марта лежали в засаде китайцы. Водители бэтэзров выбрали места, откуда просматривался китайский берег через неширокую, всего метров сорок, протоку.

Группа Попова расположилась цепью прямо у начала невысокого вала, на оконечности озера. Этот плавный, округлый вал намыли грунтом волны реки. Слева – Маньковский. Клыга и Соловьёв – чуть сзади. Попов распорядился, чтобы бойцы окопались. Каждый как мог оборудовал себе в мёрзлой земле небольшие углубления, используя для маскировки кочки, ветки, траву. Работали молча, без шума.

С тревогой в душе ждали рассвета, прослушивая местность лёжа или стоя, пытаясь поймать, что принесёт ветерок. Николай сосал карамельки «Дюшес» и наделил ими бойцов, лежавших рядом.

Михаил Иванов попал в группу Попова. Ночной мороз быстро пробрался в сапоги, ноги заоченели, и Михаил залез погреться в командирский БТР.

Ноги были спасены. Подполковник попросил комсорга пробежаться по залёгшим цепям, чтобы сделать внушение потерявшим бдительность солдатам – некоторые закурили, поднялись на коленки, развели разговоры.

Перебегая от бойца к бойцу, Михаил немного задержался рядом с Маньковским. Лев Константинович искренне любил подчинённых и был любим ими. Он заботился о подопечных, как никто другой. Подобные командиры, настолько душевные, просто легендарны.

Старлей спросил, как Иванов отпраздновал свой день рождения, только что прошедший.

Вот те на! Он помнил день рождения Михаила. А тот сам начисто забыл о нём! В эти дни было не до таких мелочей... Лев Константинович крепко пожал Михаилу руку, поздравив его с двадцатилетием.

Захрипел и заплывал словами громкоговоритель: «Красные китайские львы, вооружённые идеями Председателя Мао Цзэдуна, сотрут вас в порошок!..»

– Вот расхвастался храбрый карась, перед тем как лечь на сковородку! – усмехнулся Маньковский.

Солдаты посмеивались над «политинформацией».

Вновь стало тихо... Всё в душе звенело от напряжения.

Чуть начало светать, Яншин послал Маньковского с четырьмя бойцами на разведку. С ним пошли рядовые Камзалаков, Шульгин, Круглов, Левашов. Благополучно вернувшись, Лев доложил о большом скоплении солдат и техники на берегу противника.

С рассветом тишина лопнула, всю округу заполонил визгливый женский голос. Как обычно, агитация свелась к примитивной ругани насчёт «советских ревизионистов» и «советского царя» Брежнева...

– Дорогие советские друзья, временно проживающие на нашей территории!.. Офицеры и солдаты Советской армии! Вы нарушили границу Китайской Народной Республики! Это есть вооружённая провокация против китайского народа! Вы обязаны немедленно покинуть остров. Иначе за все последствия несёте ответственность вы.

– Убивайте своих офицеров, переходите на нашу сторону, получите хлеба и риса...

– Солдаты! Убирайтесь с нашего острова! За последствия мы отвечать не будем! Красные китайские львы сотрут вас в порошок!

– Долой нового царя, долой Брежнева!

Как только аппаратура на китайском берегу начала вещание, Леонов на КП повернулся к Константинову:

– Александр Дмитриевич, ну-ка выводите свою шарманку.

Но когда попробовали громкоговорящую установку завести, движок зачихал, будто его сто лет не смазывали. То вздрогнет с утробным урчанием, то заглохнет, будто остановилось сердце.

– Да, сильно наша контрпропаганда!.. – обронил сердито Леонов.

Выручил стоявший неподалёку умница Тер-Григорян, журналист газеты «Известия», знавший Китай не понаслышке. Он взял мегафон и заговорил на китайском, переводя слова Леонова. Китайцы примолкли, послушали. Голос Тер-Григоряна – они выключаются. Он речь округлит – включают. Леонов говорил: «Одумайтесь, пока не поздно, перед вами – сыновья тех, кто освобождал Китай от японских захватчиков...»

Яншин подозвал к себе Маньковского.

– Снова возьми людей. Пойдите к протоке, посмотрите, что там.

Перебрались вшестером цепью через вал. Земля китайская через протоку как на ладони. Вставшее солнце осветило траншеи, гранатомёты, миномёты. Примерно рота солдат лежала под берегом в маскхалатах, сливаясь со снегом, но выдала себя подрыгиванием мёрзнувших ног. Пограничники не прятались, стояли открыто и поняли, что обнаружены.

Лев сделал знак рукой – возвращаемся. А Владимир Круглов услышал тихий чужой говор. Добродушный и медлительный, он, когда надо, преображался. Разведчики пошли на голоса и... увидели на валу китайцев.

Как они могли проникнуть на остров? Думать было некогда.

– К бою!

Тишину вспороли автоматные очереди. С ответным огнём пограничники начали отступать.

Круглов попал в переплёт, оказавшись отрезанным двумя десятками китайцев на валу, которые, впрочем, его не заметили. Они стреляли в сторону группы Яншина. Но с протоки карабкалась ещё одна цепь. «Живьём хотят взять, гады! Не дамся!»

Круглов решил поднять панику во вражеском тылу. Упал в снег, ожидая боли. Но пули просвистели выше. Он увидел, как гранатомётчик послал в ствол снаряд. Владимир ударил с колена, положил расчёт и перевёл оружие на цепь.

Скатился в удобное углубление, откуда можно было стрелять в обе стороны. И вскоре вокруг – трупы, кровь, стоны раненых. Перепуганные захватчики не сразу поняли, откуда выbleскивают валящие их очереди. Оглядываясь, Круглов пополз к своим. Отстреливаясь, он прыгнул на вал. Подошёл БТР, закрыл бортом и

принял внутрь. Сульженко встретил его нервным смешком.

– Везучий ты, парень! Я тебя чуть не пришмолял! Хорошо, Евгений Иванович остановил! Разглядел, что свой.

Несколько групп стрелков начали прочёсывать местность ещё до стрельбы, не обращая никакого внимания на «политинформацию». Трое, среди них и кемеровчанин Владимир Фёдоров, завернули на застывшее озеро. Хотели подойти к берегу... Только глянули из-за кустов, как с двух сторон взахлёб затрещали автоматы.

– Вот и попались! – попрощался с жизнью Володя. Головы не поднять. Полушубки ходят на спинах волнами под ураганом пуль.

Но сзади спасительно зарокотал пулемёт.

– Эй, пехота! – голос Яншина. – Нырять сюда!

Одним рывком попрыгали бедолаги в открытые люки бэтэра.

Началось... Яншин по связи сказал водителям, чтобы не стояли на месте, могут подбить. И только Башуков передвинул БТР, как на прежнее место упали две мины. Огонь нарастал. Пошла молотить артиллерия.

В начале боя Иванов очутился рядом с Маньковским. Первые взрывы ухали где-то позади. Пули вздымали снежные фонтанчики. Лев Константинович заговорил вдруг о нехорошем предчувствии.

– Сегодня что-то должно случиться. Меня сегодня убьют, – с грустной убеждёностью сказал он.

Иванов пробормотал в ответ что-то в духе отрицания суеверий – а чем же ещё он мог утешить хорошего человека?

Китайцы бежали к острову. Их косили прямо на льду автоматчики и крупнокалиберные пулемёты БТР.

Под сильный миномётно-артиллерийский обстрел попали группы Клыги и Соловьёва, затем и Маньковского. Не очень уютно, когда на тебя, как цунами, надвигаются взрывы, чтобы растерзать в клочья.

В голове Николая Попова на миг мелькнуло, что до дембеля осталось каких-то два месяца, уже собран чемодан да матери ситец куплен. Удастся ли его довести? Да и разное другое мелькнуло, миг, всего миг. Группа Попова лежала самой первой на пути китайцев. И они появились прямо перед глазами.

– Огонь!

72

Грохот поглотил всё окружающее. Вступил в бой БТР Маньковского. Счастье, что разрывы до первой линии не дошли – китайцы боялись зацепить своих. Они корректировали огонь с деревьев. Их сбивали, они снова залезали. Хотелось пить, бойцы глотали снежок, кусочки льда.

Первых наступающих уничтожили не меньше взвода. До второй волны быстро пополнили боезапас из бэтээра и стали ждать.

Внезапно впереди целая орда! Пулемётчик с Николаем рядом:

– Огонь по ним, быстро!

Он дал длинную очередь, в пол-ленты. Да и автоматчики вписались в дело.

Бой разбился на отдельные очаги. Разрозненные группы пограничников отражали атаки. Занимая выгодный рубеж по валу, пограничники вели оборону, которая становилась всё тяжелее. Кончались боеприпасы.

Яншин понял, что ситуация нешуточная, и кричал по рации:

– Дайте огня, мы же погибаем!..

Но армейская артиллерия молчала. Пограничники ещё не знали, что части армейского усиления выведены из подчинения командования погранвойск. К тому же связь пропала. На КП не знали, что у Яншина происходит. А на бэтээрах своим же огнём срезало радиоантенны, которые конструкторы почему-то разместили в зоне вращения пулемётной башни.

Ударом мины в бэтээре Яншина вообще раскурочило бортовую рацию. Кому и как выходить, чтобы установить связь с соседними бэтээрами, если кругом ад? Осколки и пули барабанят о стальные щитки. Но... Яншин и подумать толком не успел, что делать, как Клыга мгновенно открыл верхний люк и выпрыгнул на снег. Подполковник тут же выбросил ему автомат. Где ползком, где в полный рост бегом Клыга пробирался от одного бэтээра к другому. Он ещё дважды так же покидал броню. Приказы вовремя передавались экипажам, обеспечивая слаженность действий.

В группе Попова было уже двое раненых, один в руку, второй в ногу. В других группах – четверо. В том числе Соловьёв, он ранен в голову и контужен. Яншин решил выйти из боя. Машины повернули к советскому берегу.

Яншину всегда казалось, что он знает солдатскую душу, но в этом бою для него раскрылись новые её грани... До последних дней он вспоминал эти мгновения между жизнью и смертью: *«Виталий вцепился в рукоятки пулемёта.*

Он сидит неудобно – до прицела не достаёт. Вскрывает, отбрасывает сиденье и стреляет стоя.

– Сынок! Не горячись! Береги патроны!

В машине жарко, грохот, газ, дым. Сынок сбрасывает полушубок, бушлат, рвёт ворот гимнастёрки, пуговицы долой. Заряжающий Круглов только успеваешь ленту подавать. Сынок протягивает руку вниз за новой банкой патронов. С одного жеста понимают они друга друга.

Китайцы снова лезут в атаку. Из-за дыма соседних бэтээров не видно. Командую группе идти в атаку. Смелов рванул БТР вперёд, через завесу огня. Вдруг умолк пулемёт. Вижу растерянные глаза Виталия. А китайцы уже в рост к валу бегут. Сынок мгновенно вскрыл крышку, устранил неисправность, пулемёт снова заговорил. Отлегло от сердца. Виталий встал на цыпочки, расстреливая наступающих в упор...»

Рота их была разгромлена. Но они не скупилась на резервы и артиллерийский огонь...

2

Для берега выход из боя группы Яншина явился досадной неожиданностью. От него ждали связных с докладом для принятия решения, но никак не отхода с острова. Яншин же не дождался с берега ни связи, ни артиллерийской поддержки, ни помощи людьми...

Все скаты у бэтээра Попова были пробиты. И как только водитель заглушил двигатель, машина села на обода. Младший лейтенант сдал раненых. Он снарядил свои четыре автоматных магазина и пока расположился на КП. Хотелось есть и спать. Группе дали время отдохнуть и готовиться к новому заходу.

Все головы задрались вверх, когда прилетели два наших самолёта с подвесными ракетами, по четыре у каждого. Полчаса они вели игру, намекая китайцам, что могут и врезать им по-настоящему. В тот момент, когда лётчики вроде как заходили на цель, стрельба на земле затихала в предчувствии адской встряски. Как только самолёты удалялись, снова слышались разрывы снарядов. Но, попував китайцев, наши соколы улетели.

Полевые кухни привезли обед. Николай подошёл к раздаче. Пшёнка! Потрясала эта неизбежность пшённой каши. За три года службы он никогда её не ел, лучше голодным проходит, чем хоть мизер возьмёт в рот. Но сейчас нестерпимый голод заставил взять чашку. Николай взо-

брался на БТР и вооружился ложкой. Бойцы вокруг глотали кашу с аппетитом и видимым удовольствием, рассевшись кто где.

Несколько миномётов залпом ударили по косе. Конечно, китайцы внимательно наблюдатели в бинокли со своих сопок и решили прислать гостинцы на послеобеденный десерт...

Как можно увидеть момент падения мины? Никто не помнил себя, слетая с брони и прыгая под стальное брюхо, когда одна из них долбанулась на машине.

Константинов позвал к себе младшего лейтенанта и спросил, где его БТР.

– Стоит с подбитыми скатами.

– Тогда стой здесь и получишь новую задачу.

По косе сновали корреспонденты, кинооператоры. Попова донимали – кто такой, был ли на острове, чем сейчас будете заниматься? И он попал в кадр (соседи на Алтае увидели по телевизору и прибежали к матери).

А Константинов дал команду: собрать все расчёты ручных и станковых пулемётов, расположить их по краю косы и не давать китайцам возможности перебежать со своего берега на остров. Уничтожить, если появятся, бронированные цели, а также прикрыть заход на остров группы Яншина.

Попов расставил расчёты, расположил автоматчиков. И как только китайцы появлялись на открытом месте, их сметали огнём.

По команде занять круговую оборону в цепи залёг и рядовой Надим Тухватулин, полубашкир-полутатарин, призванный из кузбасского города Берёзовского. Бойцы лежали метров через пять-шесть друг от друга. С китайского берега бухала артиллерия. Где-то впереди, окопавшись, в ямках таились китайские снайперы.

Ты видишь бугорок, и так интересно по нему стрельнуть. Стреляли мелкими очередями, по четыре-пять патронов. В одну цель Тухватулин точно попал, она упала.

Вооружение у пограничников было хорошее, автоматы, две гранаты. Клади их на расстоянии вытянутой руки, чтобы не мешали и в то же время удобно взять...

3

Утро пятнадцатого марта выдалось для второго мотострелкового батальона спокойное. В этот день проводились депутатские выборы. Проголосовали рано. Пришли первый секретарь райкома партии и председатель райисполкома.

Вручив воинам подарки, пожелав здоровья, успехов в боевых делах, они убыли в Иман.

Изрядно покружив по накатанным дорогам, не указанным на картах, лишь к середине дня пришёл на Даманский батальон. Бэтээры поставили на косе рядом с бэтээрами пограничников. Возле одного из них чего-то ожидала группа офицеров.

Пограничник-связист Виктор Тирских доложил командиру своей роты связи. Увидев его взгляд на сбитую антенну, подполковник Яншин сказал:

– Да, не зря смотришь. Антенны вышли из строя! Подумай, что можно сделать.

Яншин, коренастый, усталый, с запавшими глазами, в шинели и шапке с красной звездой, напоминал крестьянина, отошедшего в сторонку перекурить в коротком отдыхе между тяжкими трудами.

Тирских быстро сообразил: пригнуть антенны к борту, а к их блокам подключить куски порезанной лучевой антенны, намотав их на поручни машин.

Едва он это сделал, пришлось броситься на истоптанный снег и вжаться в него. Миномёты китайцев сначала ударили по острову, затем перенесли огонь по берегу. Миномётная батарея подошедшего батальона ответила. Вой, свист пуль, шелест пролетающих мин, разрывы. Яркое мартовское солнце скрылось за тучами дыма.

Но почему-то китайцы перенесли огонь в сторону. Они целили в новоприбывшую часть и, наверное, считали, что батальон укрылся за высоким берегом острова.

Анатолий Башуков сидел в своей машине возле КП. Из блиндажа вышли монументальный Леонов, поджарый, весь на пружинах Константинов, суровый, смурной Яншин, озабоченный Маньковский и другие офицеры. Лев Константинович подошёл к Башукову и распорядился, чтобы он сел в другой БТР, потому что группа из трёх машин пришла из соседнего, Ханкайского отряда и водители их не знали подходов к острову. В тот же БТР сел за пулемёт и сам старлей, так как экипаж укомплектовался салагами, только-только пришедшими из учебки. И никто среди них не умел стрелять из спаренных пулемётов.

В бой отправился майор Косинов. Леонов напутствовал его:

– Вперёд, на остров! Держаться во что бы то ни стало!

Косинов с Яншиным условились, что подполковник будет руководить левым флангом, а майор правым.

Пограничники снова пошли на остров. Их встретил шквал огня. Они вступили в бой, не высаживая десанта. Маньковский бил из пулемёта. В небе кружил вертолёт, с неба радиосвязью поступала корректировка по скоплениям противника.

Китайцы, завладев валом после первой фазы сражения, когда группа Яншина отступила, теперь прочно укоренились на островке. Выбить их без артиллерии было заведомо не дано. Кроме того, словно охотники на мамонтов, они организовали массированный обстрел бэтээров из гранатомётов. Подбирались на прицельное расстояние и пытались нанести удар. Они стреляли из гранатомётов советского производства РПГ-2, оружия устаревшего, однако с сотни метров вполне страшного. За две недели их командиры подготовились к действиям...

Но пока ещё ни один советский пограничник не погиб, а китайцы под сокрушительным огнём крупнокалиберных пулемётов валились десятками и сотнями. В глазах маоистского командования их жизни равнялись нулевой стоимости. Да и сами солдаты фанатично лезли вперёд, отдавая себя на убой ради идей Мао.

Чтобы отбивать опасные налёты из засад, Яншин спёшил часть экипажей и выслал группками для уничтожения гранатомётчиков. Те охотились на бэтээры, наши пограничники охотились на их расчёты. Бэтээры с невероятной изворотливостью маневрировали и прикрывали эту охоту очередями свинца...

БТР лейтенанта Клыги оторвался от основных сил. Не меньше часа Клыга вёл круговую оборону и сумел выйти из окружения.

Яншин принял решение передвинуться ближе к китайским позициям, чтобы увести группу от огня тяжёлых орудий.

Прижали наших, очень здорово прижали. С наблюдательного пункта на горе Кафыла Леонову передали, что большая группировка на юге острова собирается ударить во фланг Яншину. Горстка, несколько десятков пограничников против целого полка...

Офицеры 135-й дивизии, командиры полков своими средствами наблюдения следили за ходом сражения и страшно крыли своё начальство за нерешительность. Они рвались в бой.

С утра пограничники 69-го (Ханкайского) отряда томились в резерве. Как вдруг вся их груп-

па снялась с места и скрылась вдаль. Леонов, вышедший из боя Яншин и другие причастные к командованию офицеры были возмущены от кончиков волос на голове до самых пяток. Мало того, что их лишили помощи армейцев и поддержки артиллерии, так ещё и соседи...

Но тут замешалось что-то странное и до сих пор не прояснённое. Возможно, видя жестокость боя, командиры ханкайцев пожалели своих необученных ребят, вынужденных к тому же воевать на открытых, безбашенных бэтээрах. Однако же ханкайцы всё-таки вернулись. И начальник мангруппы подполковник Владимир Кухта отправил их на остров.

Сорок человек на четырёх машинах пошли в дымную и грохочущую неизвестность. Бэтээрами командовали капитан Геацент Дерипаскин, лейтенант Валерий Губарев, сержанты-сверхсрочники Николай Луценко и Анвар Зайнутдинов. Общее командование продолжал вести Яншин.

БТР Луценко получил потрясающий удар в борт и встал. Курсанты школы сержантского состава выскочили из люков и ринулись вперёд. Снег вокруг алел пятнами застывающей на морозце крови.

Илья Симчук вынес раненого омича Петра Шалупу в безопасное место.

Владимира Перепелятника взрывная волна сбросила с бронетранспортёра. От контузии он почти оглох. Оглянулся – машина горит. «Зайду за кустик, укроюсь». Выполз за куст орешника и увидел расчёт гранатомёта. Смотрят на машину через прицел, сейчас выстрелят! Он опередил их. Уничтожил очередью обоих. Увидел ещё один наш БТР. Бросился короткой перебежкой к нему. Оглянулся, а от кустика, где лежал, осталось только тёмное пятно.

Следом идёт другой БТР. За пулемётом парень сидит. Весёлый был парень. Всё пел в казарме: «С чего начинается Родина». Володя Соляник из-под кузбасского городка Топки. Он строчил, строчил и... медленно осел на броню...

Перепелятник запрыгнул на БТР, встал за пулемёт, сшиб уже второй гранатомётный расчёт, а потом и третий. И снова взрывом его сбросило на землю.

На смену ему из глубины машины возник Владимир Малыхин. Пулемёт не смолкал.

Но этот БТР слишком близко подошёл к валу и был расстрелян несколькими попаданиями.

Леонид Просвирыков сумел выбраться из люка с помощью Виталия Шамсутдинова. Вита-

75

лий тоже был весёлым парнем. Он жил в казарме с ребятами из музыкального взвода. В свободное время кто-нибудь из них брал в руки аккордеон – и Виталька тут как тут. Как он зажигательно танцевал! Глядя на него, устоять было невозможно – ноги сами просились в пляс. Взрыв мины – и Виталия нет...

Анвар Зайнутдинов направил БТР в самую гущу боя. Резкий толчок в грудь. «Ранен!» Вдруг он заметил, как двое бойцов упали совсем рядом с бэтээром. Анвар выбрался наружу и пополз к ним. Пули так и гуляли вокруг, взвивали снежную пыль... Он оттащил в безопасное место одного, затем второго.

– Потерпите, скоро придут санитары!

Анвар сделал бросок к своему бэтээру. Секунда – и он будет в люке. В этот миг в борт вошёл снаряд. Взорвался бак с горючим, Анвара обдало соляжкой, он факелом вспыхнул... Последнее, что успел, – сорвал с плеча автомат и дал длинную очередь по бегущим навстречу врагам...

Азербайджанец Аббасов состоял в экипаже Зайнутдинова. Когда Анвар спасал раненых, Аббасов прикрывал его пулемётом. Взрывной волной его отбросило назад. Тяжело раненный, Тофик добрался до пулемёта. Из пылающей со всех сторон машины пулемёт продолжал посылать струи свинца, пока в теле пулемётчика теплилась жизнь...

Напряжённость боя возрастала, создалось положение, грозившее пограничникам разгромом и массовой гибелью.

5

Утром майор Григорий Андреевич Складанюк по приказу Леонова собрал всех пятнадцать гранатомётчиков и сам расставил расчёты по косяку. Хотя китайцы располагали слабой бронетехникой – на их берегу давно замечался один допотопный броневик чуть ли не времён Ленина и Сунь Ятсена – кое-какие танки у них имелись, и в бинокль можно было обнаружить утюги их корпусов. Складанюк возглавлял резерв школы сержантского состава и в то же время отвечал за то, чтобы не пропустить танки, если провокаторы решатся бросить их в бой.

Свой КП майор определил возле резервного бэтээра, который стоял ближе к острову. И неподалёку по-за деревьями он поставил гранатомётный расчёт Василия Каныгина. Этим нештатным расчётом первой заставы до своей гибели второго марта командовал Алексей Срывцев.

Провожая Каныгина, предостережённого за второе марта к ордену Ленина, в бой, замполит заставы лейтенант Александр Кочкин сказал:

– Давай, Василий, может, Героя заработаешь!

Заряжающим при Каныгине пошёл Владимир Бильдушкинов. Снаряды они навалили кучкой под дубом, метрах в десяти от гранатомёта.

Складанюка вызвали на КП к Леонову. Он застал начальника отряда в сильнейшей тревоге, близкой к потрясению. Временами его крупное тело содрогалось, как в ознобе, и он встряхивал плечами, чтобы сбросить дрожь.

Ситуация выходила из-под контроля и грозила чем-то невозможным, что означало бы, пусть и локальное, но поражение государства на том клочке территории, за который отвечал он, полковник Леонов. Раненые прибывали на косу нескончаемым потоком. Уже несколько тел погибших лежали на полянке. С НП на горе Кафыла передали, что сосредоточение сил, которое готовится ударить в спину группе Яншина, огромно.

К берегу выкатился БТР, и ещё до того, как он приблизился к КП, из люка показалась рука, выбросила конец провода.

– Демократ Владимирович! – послышался из динамика яншинский голос. – Прикройте нас огнём! А то скоро и прикрывать будет некого!

Леонов сам, не прибегая к услугам телефониста, закрутил ручку полевого телефона и несколько минут горячо говорил. Нет, разрешения не дали. Можно сказать, обманули. С самого раннего утра договорились с полковой артиллерией о поддержании огнём. И, когда момент того потребовал, – нет. Категорическое нет. Москва не даёт «добро». Москва боится войны с Китаем. Подключить к бою армию – значит, война.

Наверху никак не могли определиться с обстановкой: что делать? Как поступить? Давали самые противоречивые указания. Поэтому Леонов приказал майору Донцову (старшему офицеру 1-го отделения штаба), чтобы он фиксировал время телефонных указаний, так как после неизбежного «разбора полётов» наверняка начнут искать правых и виноватых. Обстановка достигла критического значения. Разговор уже шёл о том, чтобы использовать всё, что было в резерве.

Рота связи располагала гусеничным бэтээром без пулемёта. Полковник настолько был сокрушён, что поначалу с него решил управлять

боем, ворвавшись в самую его гущу. И в этот момент он подумал о танках...

Настал его час. Самый момент, чтобы грянуть танками. Девять всемогущих Т-62 стояли рядом, как утёсы. Они появились не случайно, а по просьбе Леонова. Ещё в дни кулачных стычек с хунвейбинами он разговорился с полковником Крупейниковым в его кабинете, сетуя, как тяжело в этом противостоянии его людям. Демократ Владимирович давно начал грезить тяжёлой бронёй.

– Вот если бы нам дали для подкрепления танки, легче бы было справиться с провокаторами!

Танками можно смять хоть тысячную толпу. Через командование дивизии он и добился получения танковой роты...

Когда на КП подвернулся офицер поменьше званием, заместитель Складанюка по школе Сержантов старший лейтенант Юрий Хрипель, Леонов махнул ему рукой:

– Немедленно, хоть под пистолетом, приведите сюда командира танковой роты!..

Явившийся капитан-танкист не возражал против танковой атаки. Да, товарищ полковник лично может её возглавить. С условием, что нельзя применять танковую пушку.

Зато, было в мыслях у Леонова, стоит только, как Бубенин второго марта, зайти в тыл китайской группировки, за удерживаемый ими вал, и снова раздавить их КП, в лепёшку сплющить пушки и гранатомёты, так взойдёт над землёй ясное солнце...

– Демократ Владимирович, может быть, я? – внёс свой резон Константинов. Он всё же имел кое-какое понятие о танках.

– Ну хватит, ты только оттуда, а я всё время здесь торчу! – и скомандовал командиру танка: – Выгрузить артиллерийский боезапас!

Леонов отдал последние распоряжения на КП, забрался в танк, и грохот четырёх мощных дизелей заглушил стрельбу. Выхлопы газов полетели сизыми тучками.

Задним числом Леонова укоряли в том, что он сел в головную машину. И ещё ряд ошибок, характерных для новичка, сделал он.

Танки перевалили косу, выскочили на лёд и, вихря снег, рванули к краю острова. Все, кто мог, смотрели на них и отмечали, что они идут без манёвра, как на параде. Первый из них съехал по пологому спуску, чтобы повернуть вправо, на протоку между островом и китайским берегом.

Всех ошеломила яркая вспышка. В течение нескольких мгновений столб огня тянулся к небу. Танк замер.

Возле радиооборудованной машины армейского батальона молча стояла группа офицеров с хмурым видом. Из динамика слышались хлопки выстрелов, треск автоматных очередей, а затем голос:

– Три танка оставил в засаде, обхожу остров с юго-западной стороны...

Это были последние слова Леонова, вслед за которыми грохнул взрыв.

...Китайцы продолжали скапливаться на востоке острова. Чтобы хоть как-то притормозить их наступательный порыв, гранатомётчик Илья Кобец открыл огонь по живой силе, что привело не столько к её уничтожению, сколько к психологическому эффекту – толпа рассеялась.

Первое время гранатомётчики не имели целей для поражения, то есть техники. Сержант Кобец мучился этим, чертыхался.

– Э, была не была! Вдарим вон туда!

Вдарили. Над кустами грязно-дымный фонтан огня и снега. Десяток китайцев выскочили, заметались. Борис Головин припал к пулемёту и срезал всю группу, оттопырил большой палец – молодцом!

И тогда возмущённые провокаторы перенесли весь артогонь на гранатомётные позиции. Мина упала у КП Складанюка. Бильдушкинов как раз направился к дубу за очередной гранатой. Его разнесло страшно...

Майору осколками проломило каску, шапка под ней предохранила голову от худшего. Светлая шуба заляпалась кровью. К нему подполз санинструктор и начал обрабатывать раны. Приполз и врач Фатовенко.

– Давай-давай в вертолёт скорее!

– Ты что, ни в коем случае!.. – категорически отказался от госпиталя майор Складанюк.

Когда новое сражение едва разгоралось, Демократу Владимировичу позвонила его дочь, Лена.

– Папа, пожалуйста, будь поосторожнее...

– Леночка, ты это о чём? Ведь там сражаются твои сверстники, а значит – мои дети... – ответил он.

О том, как подбили танк Леонова, до сих пор существуют разные версии. Якобы командир танка не предупредил его ни о уязвимости бор-

тов, ни о подвешенных на них баках с запасным горючим. И подбежавший к танку гранатомётчик буквально с десяти метров всадил в бак заряд... Это версия, взяющая в российских источниках и взятая из газет.

В китайской мифе нет упоминания о запасных баках с горючим, но есть герой, который несмотря на оторванные два пальца на руке продолжал стрелять и, наконец, поразил танк, а позже погиб под деревом, которое и увековечили под именем Древа Героев.

Однако, скорее всего, танк подорвался на mine. Многотонную махину чуть подбросило вверх, и она грузно осела на льду с развороченным впереди левым траком.

Куски оторванной стали ударили Леонову по ногам. Танкисты заметались, ища вариант, как выбраться. По башне молотками били пули, верхний люк не открыть. Экипаж выскочил через нижний, десантный. Полковник был слишком массивен... Кое-как проковыряли лопатками снег, сделали место внизу побольше, он вылез. Сел между вторым и третьим катком, достал нож и начал резать ремень, чтобы сбросить чёрную шубу, заметную на снегу. И в это время, как рассказывал Константинову заряжающий, у него упала папаха. И он сник. Хирурги нашли в его груди оболочку пули. Сердечник срикошетил и улетел, а оболочка пробила шубу, китель, документы – и в сердце. Эту оболочку Александр Дмитриевич оставил у себя.

По Константинову, трём остальным танкам нужно было исполнить «танковый вариант»: «Все влево», то есть повернуть башни и колотить по китайскому берегу из пушек. Но сработал приказ: из орудий стрелять нельзя!..

Последний танк должен был подойти, прикрываясь другими, взять на буксир подбитую машину и утащить её задним ходом.

Но, очевидно, ребятам было не до подвигов. Три танка резко повернули налево, уходя из-под огня пушек, и двинулись не назад, на КП, а мимо изумлённых зрителей на косе – по реке в сторону второй заставы.

Там таких гостей не ждали. Застава дежурила в окопах с тревожным ожиданием прорыва оголтелых масс противника. Поэтому вполне естественно, что появление перед глазами танковой группы было воспринято как факт наступления. А никаких противотанковых средств не имелось. Началась паника. Георгий Петрович Сечкин, остававшийся на заставе в роли началь-

ника оперативной группы, лихорадочно искал решение. Танки остановились поодаль. Из них вышли люди. У Сечкина на сердце отлегло. О гибели Леонова никто пока не знал...

Сидя на заставе у телефона, Сечкин вёл трудные переговоры с армейским командованием, убеждал, увещевал: необходимо ввести в бой армию с её артиллерией.

– Вы намерены развязать войну с КНР! – на разные лады слышался один и тот же ответ.

– Но ведь это страусиная позиция! Всем очевидно, что с китайской стороны действует регулярная армия!

– Решать может только Москва! Если она решит, то...

– Почему вам самим не потревожить Москву? Что думают там, в Генштабе?

– Там всё знают. Очевидно, есть кто-то и выше Генштаба...

Но, так или иначе, на армейских генералов упала жестокая головная боль по разработке операции, чтобы отбить танк. Танк, новый Т-62 со сверхсекретным стабилизатором прицела, позволявшим метко стрелять на ходу, оказался вдруг почти на китайской территории.

6

78

– Ближе ста метров к валу не подходить! – скомандовал Косинов.

Его новенькая машина была крайней справа. Остальные побитые, старые. Один БТР в пылу атаки всё же подошёл ближе ста метров и от попадания гранаты вспыхнул.

– Вперёд! – тут же приказал майор своим, увидев, как покидают броню подбитого бэтэзера люди.

Вблизи чадящей машины лежали убитые, кто-то из тяжело раненных полз по снегу, остальные отстреливались. В это время в подбитом бэтэзере жажнул взрыв. Видимо, снаряд попал в баки. Косинов понял, что там, внутри, уже никого не осталось.

– Стоп! Прикрывать огнём раненых!

И тут в правый борт его бэтэзера тоже попала граната РПГ. Она пронзила броню и расширяющимся снопом огня и давления проникла в отсек, уничтожая всё на своем пути. Яркая оранжевая вспышка в глазах, взрыв страшной силы, удар по ногам... Он отключился.

Когда очнулся, китайцы стреляли по бэтэзеру. Майор дал в ответ несколько автоматных очередей. Кровь стекала с бровей, он стирал её рукой

и снова стрелял. Косоглазенькие ребята залегли в отчётливой близости. Кровь застлала глаза, мешая наблюдать. Двое солдат из экипажа притихли.

– Что, патроны кончились?

– Нет, мы ждём, пока вы отстреляетесь.

Похоже, левую ногу здорово зацепило.

– Давайте выползайте, а я буду вас прикрывать.

– Нет, мы без вас никуда не двинемся.

Косинову они не были знакомы. Солдаты помогли ему выброситься через левый борт. И пока он летел вниз, успел поймать пару пуль. Укусило, ожгло болью. Одна проскочила между рёбер и вышла над лопаткой.

Солдаты оттащили майора за корму бэтээра.

– Давайте мы вас потащим.

И тут пуля прошла правую руку...

– Один меня не дотащит, а все втроём мы станем удобной мишенью. Ползите без меня.

БТР вовсю горел, дым лез в горло, все натужно кашляли.

– Отползайте по одному. Доложите Яншину, что я здесь, – прошептал Косинов, когда огонь чуть стих.

Парни поотнекивались и отползли. Косинов лежал в одиночестве. Он давно приметил китайца, который как-то особо внимательно следил за ним. И этот злобный маоист исхитрился с семидесяти метров одиночным выстрелом попасть ему в правое бедро. Пётр снова потерял сознание.

Очнулся от дикой боли. Открыл глаза – горит! Он лежал под горящими скатами. Загорелись волосы, начинало тлеть лицо. Хотел шевельнуться всем телом, но смог лишь отклонить голову в сторону. Внизу резанула такая молния, словно ноги оторваны. Как мог осмотрел себя. Он лежал на спине без шлемофона, который слетел ещё в бэтээре. Ноги всё же были на месте. В них вопила боль...

7

Маньковскому по рации поступила команда взять языка. В это время перед бэтээром возникла фигура в чёрной форме. Башуков затормозил. Подняли незнакомца на борт.

– Я из танка, где полковник, – еле шевеля языком от слабости, выдавил раненый. – Полковник погиб...

Не раздумывая, Лев отдал приказ двигаться к танку, так как Леонов, по словам танкиста, остался внутри.

Но на краю острова БТР подбили, он загорелся, двигатели заглохли. Башукова ранило в ногу.

– Всем десантироваться и отползайте в траву! – крикнул Лев. – Я прикрою!

Башуков открыл люк, по крышке тут же задолбили пули. Дождавшись паузы, он выбрался и залёг под задним колесом, отстреливаясь. Китайцы из-за деревьев били по бэтээру гранатомётами. Старлей отвечал пулемётным огнём, пока снаряд не попал в башню. Пулемёт замолчал. Лев тоже заполз под БТР.

– Ребятишки все выбрались?

Маньковский собрал всех оставшихся из экипажа и приказал выползать к нашему берегу, а он будет прикрывать.

Башуков лёжа стрелял по гранатомётчикам. Они наседали, перебегая от дерева к дереву и посылая гранаты. Одна попала в защищавшее его колесо. Осколок задел ухо, несколько мелких впились в левую руку. Загорелся бушлат, он быстро его потушил. Лев помог перевязать голову.

Бой вели, пока БТР не стал оседать на пробитых колёсах. Тем временем часть экипажа и танкист, у которого Башуков взял пистолет, скрылись на озерке, вокруг которого с утра шла битва.

Маньковский и Башуков отползли от горящего бэтээра. И... автоматная очередь нашла спину командира, выбивая клочки из распоротой ткани. Он уткнулся головой в снег. Рухнул мир для жены его Валентины...

...Однажды она пришла на танцплощадку. Лев пригласил её на танец. Она согласилась – невозможно отказать красавцу-лейтенанту. Танцевали модный тогда твист, танго, шутили, веселились. Танцплощадка познакомила их, свела вместе и породнила. Через три месяца они поженились. А теперь ему там лежать – на месте танцплощадки мемориал погибшим на Даманском...

Тащить тело Анатолий не смог – одна рука висела плетью. Он бросил прощальный взгляд на БТР. В его борту зияла огромная дыра. Ноги вынесли на озерко. Там – несколько солдат и незнакомый офицер.

– Надо забрать убитого командира... – проговорил Анатолий.

Офицер ответил, что сейчас начнётся артподготовка и надо немедленно уходить с острова. Показались наши танки, немного постреляли и ушли. Наступило затишье. Кое-где слышались

79

редкие автоматные очереди. Всё было как в тумане. Вокруг горела земля. Анатолий потерял сознание. Когда очнулся, лежал совсем в другом месте, куда его унесло взрывной волной.

Снова очнулся уже на носилках с двумя гранатами в руках на случай плена. Вдруг услышал голос Яншина:

– Сынок, ты живой? Как ты выбрался-то?

В госпиталь его так и привезли с гранатами в руках и пистолетом в кармане. Когда стали раздевать, одна граната выпала из ладони и покатилась по полу. Весь медперсонал убежал метров на пятьдесят. Но граната с невыдернутой чекой, конечно, не взорвалась...

Трое тех парней, кого прикрывал Маньковский: сержант Александр Игнатьев, рядовые Анатолий Петухов и Геннадий Грибачёв, – решили выбираться по колее, оставленной бэтээром. Игнатьев и Грибачёв двинулись по-пластунски, а Петухов остался для прикрытия. Затем двое залегли и стреляли, пока Петухов не присоединился к ним. Патроны кончались. Маоисты приближались. Вот-вот пришлось бы вступить в рукопашную схватку. Но в это время подошли два наших бэтээра и подобрали их.

Один из этих новых бэтээров вёл водитель Валерий Шурыгин. Его экипажу приходилось вести бой и принимать раненых. Их много, только успевай загружать. Пули непрерывно барабанили о борта.

Сделав первую ходку и вывезя раненых в тыл, они снова направились в пекло. Водитель ловко маневрировал среди разрывов и просил у неба, чтобы снаряды шли мимо.

От деревьев отлетали щепки и сучки, срезаемые пулемётными очередями китайцев. Пулемёт бэтээра не знал отдыха. Никак не отступающую орду били огнём, давили колёсами, выжимая из техники всё, на что она способна.

Достали очередь гранатомётчика, лежавшего неподалёку с тремя стрелками. Завидев на поле боя раненого и тело погибшего, подъехали к ним и, прикрываясь броней, втащили их внутрь...

Раненый танкист в шлеме полз по льду, упираясь ножом. Быстро подобрали его...

Сделали две ходки. В третьей случилось непредвиденное. В бою машина работала на всю мощность, если не больше. Водитель крутился, как зверь, делал нестандартные манёвры, манипулировал скоростью и направлением движения. И один двигатель отказал. Шурыгин посмо-

трел в отсек. Там оторвался поршень, из блока торчал «кулак», шатун вышел наружу. Но это ещё полбеды. На крутом вираже оторвалось одно колесо. Вот это было хуже. Пришлось выйти из боя...

На берегу врач лейтенант Фатовенко развернул своё перевязочное хозяйство. Раненые кричали благим матом, бредя боем.

– Завяжите меня быстрее! Мне надо туда, на остров! – рвался Петухов. Его силой удерживали на медпункте. Он мешал перевязке, сдирал бинт с глаза. – Погиб офицер Маньковский! Снарядами нас накрыло! Немало мы их положили! Пустите меня туда! Где Грибачёв, где?! Генка, пошли туда, на остров!..

Яншин в связи со спасшимся танкистом пережил свои эмоции. Командира экипажа, младшего лейтенанта, привели в расположение мангруппы.

Поступила команда выводить всех с острова. Младший лейтенант забузил: надо быстрее уходить, спасаться, китайцев просто море! Его паника дико разозлила солдат. Они бросились на паникёра и просто задушили бы его, если бы подполковник не осадил.

«А зря осадил», – дыша гневом, подумал он потом. Он же тогда не знал, что в этом танке погиб Леонов. И этот младший лейтенант его бросил, оставил в бою советского командира, полковника. Если бы Яншин знал это, то, наверное, сам бы порешил этого трусливого танкиста...

Второй заход пограничников на остров не принёс желаемого успеха. Китайская пехота заняла западную часть Даманского, непрерывно атакуя наши подразделения на восточном и готовясь к захвату всего острова.

К 16:00 обескровленная группа Яншина удерживала остров из последних сил. Под прикрытием двух танков советские пограничники, забрав раненых и убитых, покинули остров.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

1

В середине дня комдив приказал Крупейникову выдвинуть второй батальон на исходную позицию, а самого полковника вызвал на свой КП и ввёл в обстановку. При возвращении с КП Крупейников встретился со Смирновым.

– Воюй как умеешь. Береги себя и людей. В дальнейших боевых действиях мы тебя поддер-

жим, – дал он напутствие и поспешил к другим батальонам.

В исходном положении батальон стоял колонной боевых машин с личным составом внутри. При батальоне находился заместитель командира дивизии полковник Егеров. К нему часто подходил Константинов и страшно возмущался, что армейцы не вступают в бой.

В 16:20 огнём ствольной артиллерии удалось остановить продвижение китайцев вглубь острова. Вышедших из боя погранцов, изголодавшихся с самого утра, тем временем решили покормить. Только они сели обедать – залп, подарок от своих. Ложки и котелки полетели в разные стороны.

Константинов долго звонил, ругался, выходя из себя...

– Вы же всех нас перебьёте, к чёртовой матери!..

Огонь перенесли ближе к китайскому берегу.

После артиллерийской дуэли наступило некоторое затишье. Смирнов собрал офицерский состав, водителей бронетранспортёров.

– В лобовую атаку не пойдём, обойдём остров с северной стороны, зайдём в протоку. В ней разворачиваемся в линию боевых машин и заходим на остров.

Ближе к 16:00 наконец-то начали поступать внятные команды сверху: уйти с острова, накрыть его огнём, очистить от китайцев, а на ночь вернуться на свой берег.

Константинов, по распоряжению Сечкина возглавивший Иманский отряд после гибели Леонова, начал готовиться к атаке.

– Женя, – обратился он к Яншину, – останься, тебе и так досталось. Твою группу поведу я.

Яншин, падавший с ног от усталости – сутки на ногах, с опалённым, серым от пороховой гари лицом, молча кивнул в ответ, но показал армейским водителям, как лучше зайти на остров.

Как всегда, по-комиссарски зажигательно обратился к пограничникам Константинов.

А на свой берег высыпали неисчислимые китайцы. Они стояли плечом к плечу и скандировали:

– Мао вань суй! Вань вань суй! Десять тысяч раз по десять тысяч лет Мао!

– Сейчас мы вам сунем!!! – глядя на них с бешеной ненавистью, заверил кто-то из советских офицеров.

– Вперёд! – возгласил полковник Егеров.

– В атаку! – взвился голос Константинова.

И батальон вместе с пограничниками пошёл на остров, развернувшись в боевой порядок. Два танка из тех, что напугали вторую заставу, Сечкин тоже послал в бой.

Дмитрий Андреевич Крупейников не покидал КП, он следил за действиями батальона и ждал, держа телефонную трубку в руке, приказания от комдива на вступление в бой всего личного состава полка. Стояли в колоннах 1-й и 3-й батальоны, настроенные по-боевому. Особенно был эмоционален командир 3-го батальона майор Гавриков. Натянутый, как струна, в телогрейке, с автоматом, готовый немедленно броситься на подмогу своему другу Смирнову.

Выполнив манёвр и войдя в протоку, бэтээры повели огонь. Китайцы дали жестокий отпор. Из-за кустов ударили гранатомёты. Один БТР сразу подбили. Погибли два Саши: водитель Гельвих и стрелок Бедарев.

Но одно отделение автоматчиков десантировалось.

Бой разгорался. Никто не струсил. Санструкторы выносили с поля боя раненых. Многие раненые оставались в строю.

Константинов, вдохновенный и вдохновляющий, в распахнутом полушубке, являл собой классический пример комиссара, словно сойдя с плаката времён героической войны...

Он сбросил полушубок и остался в одной гимнастёрке, чтобы видели погоны. В руках – автомат, за голенищами валенок – магазины с патронами. В карманах – гранаты.

– За Родину! За партию! За полковника Леонова! Вперёд!

2

Конечно, до боя было страшно, но в бою никто о страхе не думал. Перед атакой рядовой батальона Евгений Горохов немного дрейфил.

– Наверно, меня убьют.

Александр Богданович ободрил:

– Ты что, Горошек! Не бойся! Не убьют!

Морально поддержал. Горохова потом наградили орденом.

В бой пошли на БТР-ПА. Снаряды летели с обеих сторон. Поступил приказ: спешиться, наступать в пешем порядке. Командир взвода лейтенант Николай Храпов посадил Сашу за пулемёт, за которым сначала сидел сам.

– Китайцы замаскированы под каждым кустом. Всё, что шевелится, поливай огнём!

Начали десантироваться. Михаил Иванов, пошедший в атаку с экипажем армейцев и води-

телем Богдановичем, продвинулся к люку. Тут в БТР заскочил кемеровчанин Юрий Алексеев, старшина мангруппы.

– Перевяжи! – попросил он Иванова.

Михаил посмотрел – у него плечо разорвано. Снял с Юры бушлат, раздел до рубашки и отвернулся за автоматом, который лежал на сиденье. И... Удар прошил боковую броню. Ни Иванов, ни сам Алексеев так и не смогли потом понять, как он успел выскочить из машины. Три тысячи градусов испекли бы Юрия заживо. В одной рубашке! Какое-то чудо, просто чудо. Михаилу лицо опалило, осколком задело руку и спину. Сознание он не потерял, выскочил из БТР. Круглов тоже бежал в этой атаке. Его оглушило миной. Очнувшись, он увидел Иванова, на нём горел бушлат. Но сержант не замечал этого, продолжая строчить из автомата. Владимир сбил пламя снегом, помог снять бушлат, перевязать руку.

– У тебя спина обожжена! Иди в тыл. Без тебя обойдёмся. Слышишь?!

Нет, он не слышал. На него опустилась полная тишина. Он видел, но не слышал движение машин, перемещения людей, взрывы...

Михаила вывезли с острова, отправили вертолётom в госпиталь. Кто-то дал свой полушубок. Но он отдал его другому, потерявшему много крови и мёрзшему. А Михаилу было жарко, лицо и тело горели огнём. И уж совсем не вспоминалось, как утром мёрзли ноги в сапогах...

...У Богдановича в ленте кончились патроны, он нагнулся, чтобы взять коробку с патронной лентой, и в это время ему перебило руку. Как он мог вести огонь одной рукой? На гашетку пулемёта надо было нажимать пальцами обеих рук. Этого никто не мог объяснить.

Алексеева всё-таки перевязали, но он вместо эвакуации в госпиталь продолжал воевать. У него лопнули барабанные перепонки, он стрелял в абсолютной тишине, как в немом кино. Не раз этот неутолённый мщением воин в обгорелой и окровавленной одежде вставал во весь рост и устремлялся со своим подразделением в атаку. При виде его китайцы в ужасе бросались наутёк.

3

Иван Кукушко, как и Богданович, из Томской области, за проявленное в бою мужество был награждён орденом Славы третьей степени.

Весной шестьдесят девятого он уже жил предвкушением дембеля.

...В атаку пошли 4-я и 5-я роты. Комбат шутя любя назвал их смертниками.

Кто-то из командиров перетрусил, не повёл своих солдат в бой. А молоденький такой комроты, всего на пару лет старше Ивана, смелый, отчаянный, сказал:

– Ладно, жена моя, если что, ещё успеет замуж выйти, а мы, ребята, будем биться до последнего!

И вся рота за ним пошла. Солдаты цепочкой выстроились и – вдоль острова. Каждый шаг под огнём давался трудно. До первого выстрела Ивану было страшно. Колхозник ведь. Людей никогда убивать не случалось.

Идёт Кукушко и вдруг видит, на него из-под танка китаец лезет. Того танка, в котором Леонов погиб. Иван командиру крикнул, а тот матерному покрыл:

– Стреляй!..

Поздно, ушёл китаец. Зато второй и третий появились. Думать нечего: или ты, или тебя. Дал очередь. Хорошо запомнил, как на их зимних, ему тогда казалось, очень красивых и дорогих бушлатах чёрные точки обозначились. Страх сразу исчез куда-то. И уже бил врагов, не задумываясь.

Когда выходили с поля боя, погиб Сергей Береснев – прилетела шальная пуля. Иван вынес его на руках. У него дома остались жена и ребёнок...

4

Ближе к вечеру по китайцам ударила наша артиллерия, и Валентин Фомин подумал: «Давно так надо было, меньше бы погибло наших ребят».

Бэтээры на большой скорости пошли в атаку. Дали приказ спешиться. Двинулись вперёд. Огонь смертельный. Пришлось залечь в снег.

Слышен крик:

– Лейтенанта ранило!

«Надо вести людей своего взвода, ты же командир, сержант!»

– Вперёд! – крикнул Фомин и поднялся в порыве.

Но станковый пулемёт резал в упор и заставил цепь снова залечь.

«Давай, Валентин, – сказал он себе, – ты теперь за командира взвода...»

Всё решали секунды. До огневой точки – метров сорок. Фомин взял несколько гранат и низинками отполз немного в сторону. Осмотревшись, увидел перед собой открытое пространство. Отложил в сторону автомат. Выдернул чеку лимонки. Одна в правой руке. В левой другая,

чтобы не терять время на броски. Ему везло. Пулемётчики, увлечённые боем, его не замечали. Тело налилось пружинной сталью.

«Жить или умереть!» – мелькнула мысль, и он вскочил. Полетела граната, следом другая. Как учили, всё автоматически. Упал. Успел вовремя. Одна пуля сбита шапку. Хлопки двух взрывов подряд – и треск пулемёта прекратился.

– Вперёд!

И, схватив автомат, он побежал к умолкнувшему станкачу. Каково же было его удивление, когда он признал в перевернутой машине смерти родной, отечественный максим!

Он обслуживался расчётом из шести или семи человек. Один приподнялся и стал целиться из автомата. Длинная очередь упокоила его, и Фомин побежал дальше.

Рядом взорвался снаряд. Ни один осколок не задел Фомина. Но мощная взрывная волна отбросила далеко в сторону.

Сколько лежал? Когда пришёл в себя? В ушах, шум, звон. Своя речь не слышна. Ощупывал себя: не ранен? Не задет ли осколком или пулей? Не в плену ли у китайцев?.. Но вокруг их нет...

Наступающие ушли вперёд, бой продолжался. Он подобрал автомат и догнал своих. Увидел двоих раненых пограничников, быстро помог им перевязать раны, оттащил в безопасное место, и снова в бой.

Поле боя покинул в числе последних. Часто вспоминал наказ своего отца Михаила Иосифовича, артиллериста, который воевал с самых первых дней Отечественной, командовал орудием.

Провожая его в армию, отец сказал:

– Ты, Валентин, служи честно, как я служил на фронте.

Он старался быть достойным отца, награждённого за свои подвиги орденами Красной Звезды, Славы и многими медалями.

При осмотре у Валентина обнаружили несколько пулевых пробоин в бушлате и распоротый во всё голенище валенок.

5

Бой то затихал, то закипал с новой силой. Пушечного мяса китайцам было не занимать. Не успели выбить одну волну, как следом накатывалась другая. Остров утопал в сплошном дыму. Солнце скрылось за сопками.

К Смирнову подбежали старший сержант Липовка и рядовой Кукушко.

– Мы только что с самого края, китайцев на острове нет!

Такие же доклады поступали от командиров рот и взводов. Остров, казалось, был чист. Подполковник снял с головы каску, переглянулся с замполитом Зиннуром Гатиным.

Запросив берег, он получил приказ уходить, подобрав убитых и раненых. Оборону на острове не занимать.

Но при отходе начался жестокий обстрел с китайского берега, и при этом маоистское воинство опять хлынуло на Даманский.

Одну нашу роту растрепало миномётным шквалом.

– Отходите, прикрываясь огнём! – крикнул Константинов.

Старший сержант Орехов, прикрывая отходивших, слал огневой смерч в сторону врага из ручного пулемёта. Его одновременно прошли две автоматные очереди: пули вошли в грудь крест-накрест. Бушлат на его спине в месте выхода пуль вздулся. Это случилось на глазах Константинова. Как в замедленной киносъёмке. Уже мёртвый, Владимир жал на гашетку и медленно повалился на снег...

Слишком тяжело далось его жене испытание телеграммой: «Приезжайте на похороны мужа». За окном звенела капель, пели птицы...

Положение создалось не из весёлых. Кончались боеприпасы. Смирнов попросил огневой поддержки. Ответ он получил отрицательный – Москва снова не разрешала.

– Прошу огня... мать вашу и так, и этак, и растак, и опять так!!! – взревел вне себя Смирнов в эфире отборными словами. Никакие слова не помогали.

Атака продолжалась, но батальон нёс неправданные потери, наступил грозный момент, и комбат, перешагнув через ответственность за невыполнение приказа, решил вместе с замполитом вывести людей из бойни.

На берегу он всё объяснил и, получив повторный приказ на атаку, отказался его выполнять, требуя подавить огневые точки противника.

– Трус, под трибунал! – раздалось горячее и страшное.

Смирнову повезло. Когда доложили в Москву, главком Сухопутных войск генерал Иван Павловский, фронтовик, Герой Советского Союза, сказал так:

– Ну правильно комбат говорит! Подавите пулемёты!

И все, как говорится, сразу прозрели.

Стало ясно, что введённых в бой сил не хватает, китайцы дают живой массой. Неудача атаки и потеря секретного танка Т-62 убедили наконец советское командование в том, что нужны более действенные меры.

День клонился к вечеру. Воцарилось затишье. Константинов позвал рядового Головина. По-отцовски крепко обнял его:

– Спасибо, сынок. Спасибо за всё.

В бою Головин на долю секунды опередил китайского автоматчика и спас жизнь комиссара.

А майор Косинов одиноко лежал в луже собственной крови. Очнувшись, он осмотрелся по сторонам. Солнце светит. Облака плывут в вышине. Тишина. Сознание то приходило, то уходило. Навалилась апатия. Двигаться он не мог, будто тело обратилось в камень. И он никак не мог понять, что у него за ранение. Если из многих ранений – выявить одно, главное.

Китайцы где-то затаились и обстрел не вели. Невольно он ощущал, что стоит хорошая погода. Облака летят лёгкие. Его спасло, что морозец закупорил дырки в теле кровью со льдом. Мелькало в его мыслях и то, что кто-то из наших к нему подползал. Но, увидев под ним красноту, счёл мёртвым и отполз...

6

Старший лейтенант Николай Назаренко построил свою группу разведчиков, десять человек.

– Необходимо эвакуировать раненых и тела убитых. Если жив полковник Леонов, то спасти его, он находится на подбитом танке. Танкисты не смогли вынести командира с поля боя из-за плотного огня. Задание опасное, идут добровольцы. Кто сомневается в себе, шаг вперёд.

Все остались в строю.

По острову пробирались ползком. Редкий кустарник, встречающийся на пути, не спас бы от пуль и осколков. Но, раз местность простреливалась китайцами, вряд ли здесь могли оказаться их люди. Группа упорно продвигалась к цели.

Навстречу выполз раненый и при виде фигур в маскхалатах громко заорал от неожиданности, то ли в страхе, то ли в радости. Двое ребят потащили его в тыл, к бэтээру.

Нашли ещё несколько человек.

Первым до танка дополз Юрий Козлов. Остальные подползали один за другим, укрываясь бронёй подбитой машины.

Полковник, состоящий богатырь, отличался и богатырским весом. Обвязав его верёвкой, вытащили на лёд. Китайцы, заметив возню у танка, открыли стрельбу. Затаившись и переждав какое-то время, разведчики начали передвигаться с телом полковника обратной дорогой.

Делая это главное дело, они эвакуировали ещё девять трупов и несколько тяжело раненных. Когда выносили людей, китайцы по неизвестной причине прекратили стрелять, и разведчики отчётливо сознавали, что пауза спасла их от смерти, так как местность была хорошо пристреляна.

С острова иркутяне Геннадий Капустин и Владимир Шипилин вынесли контуженного земляка Валентина Фомина, которого давно знали, особенно Капустин, по мирной профессии – он тракторист.

На косе Капустин увидел другого земляка – погибшего Володю Бильдушкинова. Он запомнился хорошим парнем. Видеть его мёртвым было тяжко.

Уставших и голодных разведчиков посадили в ГАЗ-66 и отвезли на заставу. Накормили, напоили горячим киселём.

Позже – уже глубоко вечером – приехал Константинов. Благополучный финал этой оптимистической трагедии, возможно, спас его от кары, на которую определённо намекало вышестоящее начальство. Вместе с ответственностью по руководству отрядом Александр Дмитриевич должен был бы принять весь позор за оставление тела полковника на поругание врагу. Одно время потом лишний подвиг по эвакуации тела приписывали Юрию Бабанскому...

Перед строем разведчиков Константинов сказал:

– Всё, что случилось, это тяжело. Но надо служить дальше несмотря ни на что. Все вы совершили подвиг, и мы вас не забудем. Все будете представлены к наградам.

Конечно, не все обещания командиров сбылись. Но бойцы сильно и не требовали. Их наградили медалями «За отличие в охране государственной границы СССР».

ГЛАВА ПЯТАЯ

1

Леонид Ильич Брежнев ехал поездом в Будапешт на совещание по линии Варшавского договора и в 9 часов сделал в Виннице остановку, чтобы размять ноги. К нему подошли разные от-

ветственные лица, каждый доложилась по своей линии. Генерал из Генштаба, обычно ездивший с генсеком, сообщил, что пограничники ведут бой на Даманском.

– Как у них дела?

– Несут большие потери. Китайцы сосредоточили много сил.

Леонид Ильич, шокированный, просверлил генерала взглядом из-под своих знакомых всему миру мохнатых бровей.

– Потери?.. А где наша армия? Кто у нас командует Дальневосточным военным округом? Лосик? Я знаю его! Лосик у нас там есть?

– Да, есть. Но никто не даёт распоряжение на открытие огня.

– А что тут давать! Пусть всыпят им как следует! Армии – нанести удар всеми средствами! Вышвырнуть оккупантов с советской территории, к чертям собачьим!..

Подразумевалось применение нового и в то время секретного оружия – системы «Град».

Виктор Тирских из роты связи Иманского погранотряда днём пятнадцатого марта работал за коммутатором, и все разговоры шли через него. Он слушал и впитывал поток данных.

Связисты 135-й мотострелковой дивизии, чтобы облегчить себе жизнь, подцепились на провод пограничников. Это привело к ситуации, когда приказ командующего Дальневосточным военным округом генерал-полковника Олега Александровича Лосика был передан через связь погранотряда.

В тот момент, когда генерал-майор Несов докладывал обстановку генерал-лейтенанту Ржевицкому, на связь вышел Хабаровск:

– Дай мне командный пункт. Генерал Лосик.

– Линия занята, два генерала на проводе.

Голос повторил своё требование более убедительным тоном:

– Мальчик, если ты не хочешь заработать дисбат, немедленно дай командный пункт!

Говорил, конечно, не сам генерал, а его порученец, который зачитал приказ об открытии огня реактивными установками «Град».

Отдельный реактивный дивизион «Град» майора Михаила Ващенко совершил марш из Лесозаводска к Даманскому. В 5:50 пятнадцатого марта градовцы расположили наблюдательные пункты на склонах горы Кафыла, установили боевые машины и были готовы открыть огонь.

Но приказ всё не поступало. Артиллеристы дивились слабой выучке китайских коллег. Дивизион 152-миллиметровых пушек-гаубиц, стоявший за шесть-семь километров от нашего берега, вёл огонь на большом близире. Разрывы их снарядов сначала шли по гребню своих высот, потом по своему же берегу, а следующий залп они дали через головы градовцев. Значит, прибытие их всё-таки засекли.

В 16:30 по телефону пришёл приказ:

– В семнадцать ноль-ноль в атаку пойдёт батальон Смирнова. Поддержать атаку батальона десятиминутным огнём налётом по западному берегу острова, но чтобы ни один снаряд по китайскому берегу не разорвался.

Перебросившись соображениями с офицерами, начальник ракетных войск и артиллерии дивизии полковник Григорий Власович Пенцак ответил:

– Задачу выполнить не могу, снимите ограничения.

Разлёт снарядов «Града» определялся в пятьсот метров (недолёт-перелёт), что при ширине острова пятьсот метров привело бы к абсурду.

В 16:45 снова звонок:

– Открыть огонь по западному берегу и потоке.

За десять минут дали два залпа.

Батальон на харбинской базе подняли ночью по тревоге, в грузовиках перебросили на советскую границу. Боец Лю Кун поразился: сколько там уже скопилось солдат – казалось, их собирали со всей страны.

Командир батальона выступил с речью:

– Нужно очистить Чжэньбао от советских ревизионистов. Если русские побегут, мы двинемся дальше... Займём Владивосток и Хабаровск, чтобы устроить Брежнева мощью китайского народа!

– Слава председателю Мао! – рванул строй глотками.

В 17:00 батальон двинулся к острову. Немного не дошли.

Командира на глазах Лю Куна разорвало в ключья, из всей роты в живых остались три человека.

Надим Тухватулин, лежавший в цепи, видел дорогу на китайском берегу, ту её часть, которая подходила к сопкам с задней стороны. По дороге

ехали машины с солдатами, шло подкрепление. И когда ударил «Град», начался такой... кишмиш... Там всё горело, металл плавился. Такое творилось...

«Град» сжёг китайскую территорию на двадцать километров, разнёс деревню со всеми штабами, тылами, госпиталями...

Громкоговорители на острове орали, умоляли:
– Прекратите стрелять снарядами, которые жгут землю! Иначе разобьём ваши собачьи головы! Ващенко, перестань стрелять!

Залп! Звука разрывов ещё не слышно, а земля уже вспухла в пламени и дыме. Она стеной поднялась вверх. В ней угадывались брёвна, доски, ноги, туловища... Потом всё это медленно, плавно осело.

Китайский берег полыхал огнём. И установилась мёртвая, гробовая тишина.

Косинов лежал в красной кляксе замёрзшей крови. Он слышал мощный шум и узнал этот звук по недавним учениям.

Остров зашатался, и донёсся обвальный грохот – десять громовых раскатов сразу. Снаряды неслись низко-низко над ним единым воющим потоком, в котором различались огромные красные сигары, обдающие жаром. Майор окончательно понял – это «Град».

После затянувшейся тишины принялась бить обычная артиллерия. Не очень комфортно, когда ты распротёрт среди разрывов, а стреляют свои. Один осколок всё-таки ему достался...

2

Обстрел оборвался так же неожиданно, как и начался. И эта пауза стала Косинову понятна – пора в атаку. Но почему-то с атакой медлили. Военная наука говорит, что медлить нельзя. Бей врага, пока он ошарашен. Ведь за валом у китайцев могло что-то остаться, и люди, и орудия. Так оно и вышло.

Атака наконец началась. Она послышалась как далёкое эхо и нарастала, подкатывалась ураганно с приближением сумасшедшего русского мата.

Майор весь напрягся, чтобы поднять левую руку. Он сумел даже помахать. Подбежали два солдатика. Они увидели его растерзанное тело, обгоревшие волосы, запёкшуюся маску разбитого в кровь, обожжённого лица. Один послушал сердце.

– Стучит, стучит!

– Живой, живой!

Косинова подхватили и понесли под свистом пуль. Ноги его волочились и били по кочкам, отдавая болью. Подобрали слетевший валенок, натянули – и побежали дальше. В затишке лежали другие раненые.

– Эй, сержант, иди сюда! Мы вот майора-пограничника притащили. Давай скорее. А то он ещё умрёт!

Спасители были из взвода лейтенанта Храпова, Николай Шёпот и Абдул Газизов. Одного из них цапануло двумя пулями, пока нёс майора.

Подбежал сержант, Косинова подняли на руки. Он чувствовал, что пули летят уже высоко над головой.

Его притащили к бэтээру. Шмяк, дикая боль, и он снова куда-то улетел. Почему солдаты швырнули его на землю? Почему? Но оказалось, что это снаряд попал в БТР, когда его затаскивали в люк! Косинов пролетел метров шесть, упал спиной в снег и отключился.

Видя, что смерть унесла майора, два пограничника, заботливо накрыв тело тулупом, принесли на КП его документы и оружие.

В качестве мертвеца его погрузили в другой БТР и увезли на заставу. Там майора положили в сарай среди трупов.

86

Отрядный начмед майор Вячеслав Квитко узнал о своём друге по списку невозвратных потерь.

– Как, Косинов убит? Да не может быть!

Разыскал Петра в сарае, поднёс к его рту зеркало. Оно запотело...

Атака на острове наконец завершилась успешно, хотя и с потерями. Китайцев выбили. Среди погибших значился и Борис Головин. Замечательный парень. Отличный футболист, он занимался и гиревым спортом, борьбой, боксом. С желанием пошёл в армию и попал в погранвойска, где и хотел служить. Стал командиром группы гранатомётчиков. Как писали о нём газеты, этим грозным оружием он точно поражал разрушителей границы пятнадцатого марта шестьдесят девятого года, пока во время атаки у него под ногами не взорвалась мина, смертельно ранив его осколками.

В 19:00 часов, с наступающей темнотой, пограничники покинули остров и пошли по заснеженному руслу реки, как вдруг все повалились от изнеможения. Медленно, по одному поднялись и потянулись дальше. Один из них остался лежать как неживой. Артиллеристы с горы наблюдали

за этой выбившейся из сил колонной. Неопишущую радость испытали они, когда и последний из упавших поднялся!

Бойцы шли на заставу «Нижне-Михайловскую». Среди них, тоже обессиленный, преодолел метр за метром Николай Попов. Днём он взял пулемёт ПКС, отправив пулемётчика подносить боеприпасы, и за весь бой выпустил пять тысяч патронов, вручную заряжая ленты. Пулемёт перегревался, а запасного ствола нет. Николай снимал раскалённый ствол и клал в снег, который моментально протаивал до земли. К концу дня пальцы занемели и почти не слушались. А в самой последней атаке Николай бежал со всеми, неистово крича: «Ура!».

В 1:20, уже шестнадцатого марта, он вместе с другими добрался до заставы. Пограничники, остававшиеся там днём, переживали, что не участвовали в бою. Они чувствовали себя ущербно, как обделённые правом мщения.

Николай направился в зданье заставского клуба, где жили офицеры. Сильно хотелось спать. Шумело в ушах и подташнивало от взрыва той, обеденной мины. Из-за того, что жажда в бою утолялась снегом, на голосовые связки села простуда, голос пропал, он мог изъясняться лишь шёпотом и жестами. Офицеры возле радиоприёмника ждали сообщения ТАСС, но Москва вещала о чём угодно, только не о Даманском. Зарубежные радиостанции лабали буги-вуги.

Перекусив баночной тушёной и немного приведя себя в порядок, Николай, прежде чем завалиться спать, сходил в столовую, где устроили избирательный участок, и проголосовал, не глядя сбросив бюллетень за кандидата в Верховный Совет СССР в обитую красной тканью урну.

3

Журналист Владимир Фридьев обрелся в бывшем жилище Ивана Стрельникова вместе с компанией офицеров. Ночь после боя проходила в усталом напряжении и неопределённости: чего ждать дальше? Хорошей войны? Худого мира?

Под утро заставу подняли «в ружьё», и пограничники из тех, кто в бою не участвовал, на трёх БТР-60ПБ отправились к острову во главе с майором Корниенко. Фридьев не упустил случая поучаствовать в операции. Двигались вдоль реки. Лес заслонял дорогу от китайцев.

Перебрасывались редкими словами. Почему-то вспоминали о временах великой дружбы, о том, сколько в Китае построили фа-

брик, сколько специалистов научили современным профессиям, сколько оружия передали...

По льду к острову шли, рассыпавшись цепью, вслушиваясь в ночную тишину. У берегового склона остановились, и группа разведки с приборами ночного видения бесшумно растворилась в темноте.

Минут через двадцать из тьмы послышался неясный звук, который вблизи не оставил сомнений, что это шумное хрипение и клочотание горла. Стало жутко и горько оттого, что на глазах умирает молодой парнишка. Трое ребят принесли раненого Юру Ахметшина.

Его ранило осколками в бою. Он долго лежал на снегу и вечером, когда приблизился китаец, притворился мёртвым. От удара штык-ножом спасла пачка фотографий любимой девушки.

БТР подсказывал на кочках. Ахметшин стоял и повторял:

– Только маме не сообщайте... Только маме... Не надо маме...

Второй раненый, найденный на рассвете, не приходил в сознание, но вскрикивал на каждой кочке.

На площадке у заставы взлетал вертолёт. Фридьев высунулся из люка, замахал руками. Но шасси уже отрывались от земли. И тогда радиорепортёр единственный раз воспользовался выданным ему автоматом: дал в воздух длинную очередь. Его сразу поняли. Вертолёт сел, к БТР подбежали офицеры и среди них врач.

Юру Ахметшина спасти не удалось. Курсанту школы сержантов Ханкайского погранотряда Леониду Просвирякову повезло больше.

Когда борт БТР прошла граната, Леонид с залитым кровью лицом ощупью нашёл люк и с помощью Шамсутдинова вывалился на снег.

Очнувшись в сумерках, пробиваемый холодом. Не сразу вспомнил, кто он и как оказался на поляне. Встал на коленки, поднялся и тут же рухнул совсем без сил. От потери крови не приходилось ждать ничего, кроме резкой слабости. Усилий тела хватало лишь на то, чтобы ползти, как лётчику Маресьеву. Он в школе читал «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого и потом не раз встречал имя лётчика-героя в газетах.

После захода солнца Леонид обнаружил себя в ложбинке и услышал чужие голоса. Китайцы подошли и, судя по интонации, злобно ругнулись. Раз-другой-третий пнули по корпусу. Один уселся сверху, срезал погоны и саданул в грудь

штыком. Лезвие пробило дюжину фото, комсомольский билет, водительское удостоверение в толстой обложке и соскользнуло по ребру. Встав на ноги, китаец выстрелил в грудь из карабина. В глазах Леонида потемнело, упала мгла.

Очнувшись, он увидел в небе сияние звёзд. Китайцев нет. Ему стоило сверхчеловеческого усилия держать сознание, чтобы не впасть в сон с последующим ооченением смерти.

Медленно-медленно он пополз. Близко, как за стеной у соседей, послышалась родная речь. Пограничники подбирали раненых, но Леонида в лощине не заметили. Было бы обидно умереть в десятке шагов от своих.

Вся оставшаяся ночь ушла на сотню метров до берега. Но в его борьбе за жизнь китайцы поставили ещё одно препятствие. Они со своего берега заметили ползущего по льду и открыли огонь. Заметили и наши. Солдат-шофёр выскочил на своём ГАЗ-66 и прикрыл Леонида бортом. Его затащили в машину, простреленного, исколотого, обмороженного.

Семь месяцев лежал он в госпитале и перенёс несколько ампутаций. Отличные германские протезы позволили ему почувствовать себя более или менее полноценно.

Солдат, заставский водитель, спасший Просвирякова, был его земляком и другом. Через месяц он пошёл на дембель, храня медаль «За отвагу» в дембельском чемодане, в белой тряпочке для подшивки воротничков. Чтоб как новенькая блестела к прибытию домой.

4

На следующий после сражения день, шестнадцатого марта, яншинской мангруппе приказали пройти на бэтэрах по периметру острова и тщательно обследовать территорию. Владимир Фёдоров попал в этот наряд. Когда ехали по китайской стороне, пограничников бросало то в жар, то в холод. Они, как в зеркале, видели себя отличной мишенью. При желании китайцы могли не оставить от них и потрохов. Стояла коварная, зыбкая тишина. Тот берег безмолвствовал. Вернувшись восвояси, участники рискованного рейда с облегчением вздохнули.

«Танк Леонова», застрявший на протоке, глубоко волновал советскую сторону. Семнадцатого марта попытались отбуксировать его к своему берегу. Китайцы открыли заградительный огонь. На прямую наводку вышли четыре их самоходки ИСУ-122. Младшему сержанту Анатолию Власо-

ву, говорили, каких-то сантиметров не хватало, чтобы накинуть крюк на буксирное кольцо, когда он погиб. Эвакуационная группа отошла.

В ответ на непримиримые действия и за гибель сержанта вновь по китайскому берегу ударили «Градом». И снова китайцы понесли огромные потери.

Целую неделю пригнанные отовсюду школьники собирали куски тел и хоронили их в братских могилах. Старшеклассница Мэй Лунь ужасалась: мертвецов сложили штабелями, как дрова. Было очень страшно. Ребятам даже лопат не выдали, только кирки. Они долбили мёрзлую землю и плакали. Ходили слухи, что русские высадили парашютный десант в Харбине. Началась паника – люди бежали из домов в страхе перед советским наступлением. Никого страшнее «советских ре-визионистов» тогда и представить было нельзя.

Тем не менее и в последующих наших операциях секретный танк отбить так и не удалось. Как сказал Гомер, «Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына!..» Впоследствии этот танк занял место экспоната на пьедестале в Пекинском военно-историческом музее.

Демократа Владимировича Леонова похоронили в центре Имана. На похороны пришёл весь город. Все, конечно же, знали его, для каждого в городе да и в окружающих селеньицах он стал родным. Женщины, бывало, не могли оторвать от него глаз, когда он, красивый седовласый великан, шёл по улице. Мальчишки всегда смотрели на полковника, выходявшего из дому трясги половики.

Добрый, культурный, порядочный, необычный, он поражал тем, что, приезжая на заставы, ночевал в казарме, а не в отдельной комнате.

Он старался устроить офицерам отряда хорошие жилищные условия. А сам с женой долго ютился в непрезентабельной квартирёнке. С женой Леонову повезло. Он отзывался о Евгении Ивановне: «Моя Женя – солнечный человек». Страстный книголюб, спортивный болельщик, простой, обаятельный, ценивший юмор...

Погода выдалась сумрачная, промозглая, летел мокрый снег. Тело Героя Советского Союза (ему присвоили это звание) провезли на артиллерийском лафете через город мимо его дома.

В кармане Леонова после эвакуации из танка нашли пробитый пулей текст речи, которую он предполагал зачитать после выборов: «...Ещё раз благодарю за высокое доверие, оказанное мне, постараюсь его с честью оправдать...»

«Ещё раз благодарю за...» легко читалось, следующие слова были залиты кровью.

Демократа Леонова, уже погибшего, избрали почётным депутатом горсовета, за него проголосовали сто процентов избирателей.

Несколько дней спустя после кровавых событий в воздух поднялась огромная армада советских самолётов. Тремя основными группами бомбардировщиков и самолётов прикрытия «тушки» и М-3 пошли на Китай. Одна группа заполонила небо в районе Благовещенска.

– Ваши самолёты нарушили государственную границу Китайской Народной Республики! – возмущённо раздалось в телефонной трубке штаба ПВО, связанного проводом с КНР.

– Наши самолёты работают в пятикилометровой зоне, на нашей территории. Наблюдаются визуально. Госграницу КНР не нарушали, – с холодным достоинством отчеканил советский полковник и положил трубку. Ему нравилось, как он ответил.

Самолёты прошли вдоль всей границы и вернулись на аэродромы базирования.

У младшего лейтенанта Николая Попова с утра семнадцатого марта снова пошли наряды. Двадцать восьмого марта на заставе появился подполковник Павлинов.

– Ты всё ещё здесь? Хватит тебе воевать на этой заставе. Собирайся и сегодня выезжай в штаб отряда. Зайдёшь к начальнику отдела кадров, решишь с ним один вопрос. А потом – на свою заставу «Марково», а то твой начальник заставы замучил меня вопросом, когда я заместителя ему верну!

«Одним вопросом» оказалось оформление наградного листа. Из-за потери голоса пришлось отвечать письменно на листке бумаги.

– Думаю, ордена Красной Звезды тебе хватит? – спросил начальник отдела кадров.

Николай махнул рукой, что согласен. И на листке написал: «Самая лучшая награда для человека – это жизнь».

Он написал рапорт о зачислении его в кадры офицерского состава погранвойск и остался служить в погранотряде. Все его сослуживцы уехали домой... А Николай остался. Он дал себе клятву, что в память о погибших товарищах прослужит всю службу в одном отряде.

Пограничники на Даманском вместе с мотострелками стояли в обороне. Остров лежал перед ними серый, невзрачный. Поначалу на него высылали боевое охранение, потом его сняли. Если на остров пытались пройти китайцы, их

сразу выкуривали миномётами, но кто-то посчитал, что это слишком дорогое удовольствие, и миномёты заменили на пулемёты.

5

Армейцы вернулись на место дислокации части поздней весной, когда на Уссури прошёл ледоход. Встречали их как победителей, но на душе у многих было не очень радостно. Перед контрольно-пропускным пунктом части появились заваленные венками и цветами две братские могилы...

В скором времени участники событий были приятно удивлены сообщением по радио, которое зачитал диктор Левитан: «...в боях с врагом на острове Даманский ... за мужество и храбрость наградить ...».

И потекли обычные солдатские будни. В них яркими страницами вписались приезды в воинские части Героя Советского Союза Юрия Бабанского с рассказом о героических делах советских воинов.

Для многих пограничников война закончилась далеко не сразу. Группа снайперов защищала Даманский от высадки китайцев. Снайперы и сами стреляли, и корректировали огонь пулемётов. Китайцы тоже огрызались снайперским огнём, поэтому пришлось выкопать окопы напротив острова. Первое время китайцы нагнали и бравировали открытым появлением на острове, но после уничтожения нескольких солдат стали прятаться.

Сержант Михаил Иванов после госпиталя выучился на гранатомётчика и получил в командование расчёт. Учили бойцов так плотно, что само собой убеждало в подготовке к наступательным военным действиям. Гранатомётчиков тренировали в преодолении водной преграды вместе со своим оружием. Готовились вроде как капитально занять остров, ставший, по существу, ничьим. Сам начальник погранвойск СССР генерал-полковник Зырянов приезжал на Даманский и наблюдал учебные стрельбы на горе Кафыле. Сам Зырянов! Павел Иванович Зырянов, с именем которого связана целая эпоха в укреплении дальневосточной границы. Генерал и государственный деятель.

Откуда рядовые пограничники могли тогда знать, на какой глобальной политике висели волюшки их судеб?

В шестьдесят восьмом году начавшаяся переброска войск с запада на восток приостанови-

лась, так как СССР понадобились силы для вторжения в Чехословакию. А Мао Цзэдун болезненно реагировал на то, как Москва мощью танков давит непослушного социалистического соседа. Он боялся, что в Пекине будет то же, что и в Праге.

Мао решил подстраховаться и подготовить Китай к открытому столкновению с СССР. Начинать большую войну он не собирался, но нагнетание военных угроз позволяло ему держать власть в своих руках.

Бои на Даманском заставили Кремль поёжиться. Брежнев и его окружение считали Мао фанатиком, вполне способным на безумные авантюры, и понимали, что Китай – сильный противник. Имея с шестьдесят четвёртого года свою атомную бомбу, Мао открыто провозглашал, что готовится к мировой ядерной войне.

В шестьдесят девятом году, как вспоминал известный генерал КГБ Владимир Крючков, в Кремле началась тихая паника, когда, по агентурным сведениям, китайское ядерное оружие тайно попало в Румынию. А ведь румынский лидер Чаушеску тоже вступал в пререкания с Кремлём...

Эта информация оказалась блефом, но... Брежнев, нервничая, курил сигарету за сигаретой. Одно время даже подумывали о превентивной бомбардировке ядерных объектов Китая...

В мае – июне на Дальний Восток потянулись воинские эшелоны километровой длины каждый. Министерство обороны СССР объявило о проведении масштабных военных учений. Начался призыв резервистов. Их провожали как на самую настоящую войну. Советские дивизии выдвигались прямо к границе. А пекинское радио трещало, что в КНР не боятся «красных эсэсовцев».

В августе шестьдесят девятого года случился пограничный конфликт в Казахстане, и обнаглевшим провокаторам дали эффектный отпор. В сентябре в Пекин прилетел глава советского правительства Косыгин. Он заключил договор с Чжоу Эньлаем, после чего обстановка на дальневосточной границе стала намного спокойнее.

Михаил Иванов и его товарищи могли с полным правом демобилизоваться. А китайцы... могли фактически оккупировать остров Даманский.

Через двадцать с небольшим лет они вступили в обладание им на самых законных основаниях: по заключённому с Россией договору.

6

После боя пятнадцатого марта армейское командование представило к званию «Герой Советского Союза» подполковника Александра

Смирнова, майора Зиннура Гатина и сержанта Владимира Орехова. Звание присвоили (посмертно) лишь Орехову. Первых двух удостоили орденов Боевого Красного Знамени.

Пограничники выдвинули на звание Героя своих отличившихся. Полковник Пётр Александрович Иванчишин лично связывался с инструктором административного отдела ЦК КПСС. Оттуда пришла разнарядка на четыре единицы. Разнарядка! Подвиги свершаются жертвами и сверхусилиями воли во имя Родины. А Родина, сидящая в кабинетах, бездушно котирует их по своему капризу. Такой дисбаланс рано или поздно, но неминуемо приводит к крушению империй, начиная с падения нравов.

Но как же всё-таки быть, если ореола заслуживают не четыре, а пятеро-шестеро?

Без всяких натяжек на Героя тянули действия Александра Дмитриевича Константинова. Вполне подошёл бы к этому званию и Василий Каныгин. «Нет, – ответили в ЦК, – четыре – и не больше. Два живых и два погибших». «Что до Константинова, – намекали в ЦК, – то орден Ленина для него – самая почётная награда».

При обсуждении кандидатур инструкторов ЦК КПСС обеспокоили некоторые сомнения. Правомерно ли увековечить высшим званием Ивана Стрельникова, если застава прозевала вылазку китайцев второго марта? А как расценить подвиг полковника Леонова с его... излишне рискованной и необдуманной танковой атакой? «Хорошо, закроем на это глаза, утвердим – слава выше отдельных ошибок».

Утверждение Виталия Бубенина прошло одним вздохом – о-о! – и так понятно. И довольно нервная дискуссия развернулась вокруг Юрия Бабанского. При критическом изучении обстоятельств боя второго марта вытекало, что цена его героизма не превышала ордена Красной Звезды. Ведь он не первый начал отстреливаться на острове, эта заслуга выпала на долю группы сержанта Рабовича. А то, что он взял командование на себя... Да, все газеты громко и взахлёб объявили, что младший сержант взял на себя... Но командование чем или кем? Своей группой он и так командовал. Ну не заставой же...

Однако политуправление погранвойск СССР настаивало на таком молодом Герое, комсомольце, который после окончания срочной службы остался бы служить дальше и пошёл по офицерскому пути, чтобы в дальнейшем играть роль патриотического светоча для молодёжи. Многие

90

старшие офицеры Тихоокеанского погранокруга протестовали против такого заниженного подхода, идеологически выгодного, но морально не совсем чистого. Они негодовали насчёт самоволок Юрия и его вечной дружбы с гауптвахтой. Замполит погранокруга генерал-майор Александр Николаевич Аникушкин, добрейший человек, не раз пытался переубедить вышестоящих коллег из политуправления, однако успеха не имел.

Так как Каныгин на вопрос о том, не хочет ли он продолжить службу после окончания срочной, ответил отрицательно (он сказал, что собирается поступать в вуз), фортуна откровенно склонилась в пользу Юрия Бабанского. Для полной гарантии ему требовалось лишь добрать несколько дополнительных заслуг, пусть даже и не стопроцентно реальных, – все знали, что он парень смелый, дерзкий, словно рождённый стать Героем.

И надо сказать, полковники-идеологи не прощались. В лице Юрия Васильевича Бабанского Советский Союз получил умного, обаятельного кумира молодёжи, да и всего народа – настоящий идеал воина-патриота, от одного упоминания имени которого у миллионов мальчишек загорались сердца. Да что там мальчишки! К нему тянулись пообщаться, подружиться виднейшие люди страны – такие, как писатель Симонов, великий пограничник-следопыт Карацупа, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Тяжельников, космонавты, певцы, артисты...

Звание Героя Советского Союза означало нечто такое, что несравнимо ни с каким орденом. Ни с одним из них – ни с орденом Славы, ни с орденом Красного Знамени, ни даже с орденом Ленина. Герой лучезарен и стоит выше любой житейской мерки.

Когда после награждения в Кремле и получения награды из рук председателя Верховного Совета СССР Николая Викторовича Подгорного Бабанскому предстояло вернуться на уссурийский берег, офицеры штаба Иманского погранотряда пришли в замешательство. Как встречать бывшего младшего сержанта? Как теперь обращаться к нему? Юрий Васильевич? Товарищ Герой Советского Союза? Просто – товарищ Бабанский? Уважаемый Юрий Васильевич? Глубокоуважаемый Юрий?..

Так или как-то иначе звали штабники Бабанского, но его карьера стремительно пошла вверх, пока после ряда политических пертурбаций в стране не замкнулась на звании генерал-лейтенанта.

Между тем ни Яншин, ни Константинов, ни Косинов не перешагнули полковничьего рубежа,

не стали генералами. Как-то один большой военачальник в обстановке отдыха за рюмкой чая высказался о Константинове откровенно:

– Главный враг твой, Александр Дмитриевич, – твой язык.

Константинов и сам это понимал. Всю свою жизнь он, пропахший порохом, питал неприязнь к баловням паркета.

В апреле шестьдесят девятого года, когда он приехал в столицу вместе с награждаемой группой, его вызвали в отдел административных органов ЦК партии, чтобы кое-что уточнить. Он увидел перед собой молодого человека, лет тридцати, выхоленного, безупречного от стрижки на голове до импортных туфель. В то же время в нём сквозило высокомерие и пренебрежение к такому плебею, каким увидел себя в его глазах Александр Дмитриевич.

– Вы плохо воевали, – безапелляционно заявил хозяин просторного кабинета.

– А вы кто такой, чтобы судить нас?! – вспыхнул Константин.

– Не забывайтесь, подполковник, вы в ЦК КПСС! – зло цыкнул партийный клерк, оскорблённый дерзостью, какую впервые услышал в этом священном месте, где приглашённые всегда ходили на цыпочках.

– Это вы-то ЦК КПСС?! – бросил ему в лицо Константинов, не умеющий сдерживаться. – В ЦК выбирают достойных людей, а вы просто чиновник, не разбирающийся ни в делах, ни в людях!

И вышел из кабинета...

Попов своего ордена Красной Звезды так и не дождался. Через двадцать лет он узнал, а через сорок подтвердилось документально, что эту награду за него получил подполковник Зубков, который ни в каких боевых действиях не участвовал, но поближе стоял к наградным бумагам. Спустя несколько месяцев после событий он ушёл на пенсию...

Николай Иванович Попов клятву сдержал. Предложений из других отрядов было много, он отказывался от них и прослужил почти тридцать лет в Иманском (Дальнереченском) отряде, выйдя в запас подполковником.

И всю свою дальнейшую жизнь он тоже посвятил острову на реке Уссури, памяти о нём и о своих боевых товарищах.

Как известно, в боях на Даманском погибли сорок девять пограничников и девять военнослужащих 135-й мотострелковой дивизии.